

Елена
Абрамкина

ВЕДЬМИНА РОЩА

Огненные легенды

Елена Абрамкина

Ведьмина роща

«Феникс»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

Абрамкина Е. Е.

Ведьмина роща / Е. Е. Абрамкина — «Феникс»,
2023 — (Огненные легенды)

ISBN 978-5-222-40782-0

«Не ходи мимо ведьминой мазанки, – говорили Глаше. – Не гляди на рощу, что за рекой шумит. Бродит нынче по деревне сам Хожий, Хозяин Лесной, невесту себе приглядывает. Ты синеглазая, чернокошая да нелюдимая, на ведьму нашу в молодости похожая. Уведет тебя Хожий в рощу колдовскую, поминай как звали». Да только пристало ли девушке городской, разумной байкам этим верить? Здесь, как послушаешь, что ни старуха – то ведьма, что ни сарай заброшенный – то чертова изба. Смеется Глаша над словами теткинскими, косу тяжелую за спину закидывает, фыркает, точно кошка, да все удивляется: взрослые люди, умные с виду, а каждый второй ведьму с Хожим поминает. Глупость, да и только! Вот и Глеб, врач молодой, что на практику в деревню приехал, единственный разумный человек на всю округу, тоже над сказками деревенскими смеется. Правда, тетка водиться с ним не велит, Хожим за глаза называет да крестится украдкой. А Глеб и рад подыгрывать, лишь бы его да Глашу не трогали, уж больно приглянулась она ему. Только отчего он в рощу колдовскую ходить не боится? Почему его звери и птицы слушаются? Почему на его руках узоры светятся? Стоит Глаша на той черте, где быль сказкой становится, куда шагнуть – не знает.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

ISBN 978-5-222-40782-0

© Абрамкина Е. Е., 2023

© Феникс, 2023

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Елена Абрамкина

Ведьмина роща

Данное произведение является художественным вымыслом. Любое сходство с реальными людьми, компаниями, событиями или местами случайно.

Художественное оформление, внутреннее оформление и иллюстрации Натальи Динер

© Абрамкина Е., текст, 2023
© Динер Н., иллюстрации, 2023
© ООО «Феникс», оформление, 2023

*Не ходи мимо старой мазанки.
Видишь свет из-за ставен забитых?
Здесь сегодня нечистого пасынки
Старой ведьме поют панихиду.
Не пытайся расслышать пение,
Не заглядывай в щель дверную —
Околдуют в одно мгновение,
Так что мать не узнаешь родную.
Что стоишь? Прочь беги, непутевая!
Ночь уже, как бы тетка не вставила...
Ох, головка твоя бедовая!
Что ж ты ленту свою оставила?
Вон – висит на суку березовом.
Эх, далёко ж тебя закинет...
Не реви, не помогут слезы-то,
И не лазай – вторую отнимет!
Кто отнимет? Почто ж ты, глупая,
Песню пела, сплетая волосы?
Что стоишь да глазами лупаешь?
Он узнает тебя по голосу.
Лента синяя путь-дорожкой
Прямоком до крылечка стелется.
Он по ней прокрадется кошкою,
Не уйти тебе теперь, девица.
Со второй косы ленту яркую
Спрячь скорее прочь, закопай в саду.
А придет кто в пору жаркую —
Не смотри в глаза, не зови беду!
А теперь беги, сколько мочи есть!
Спать ложись скорей, да под образá!*

*И про мазанку чтоб ни слова здесь!
И на темный лес не коси глаза!*

Глава 1

– Не, не туда, здесь обойдем. – Сашка обогнул приветливую тропинку и спустился на пыльную дорогу. – Это чертовы столбы, не ходят под ними.

Глаша остановилась и задрала голову. Сучковатый деревянный столб, точно огромный лось, стоял, расставив ноги и намотав провода на рога, и чуть клонился в их сторону.

«Да, под таким и в самом деле ходить не стоит, вон как накренился, еще на голову свалится».

Глаша попятилась и вслед за братом спустилась на дорогу. В босоножки сразу же набилась мелкая колючая пыль. Глаша вздохнула и с сожалением посмотрела на тропинку.

– Не, ты даже не заглядывайся туда. – Сашка остановился, дожидаясь сестру. – Вон еще один такой же, и вон там. Чертовы столбы, нечистая тропинка под ними. Прямо к Хожему в лапы уведет.

– К кому? – Глаша вгляделась в узенькую, заросшую травой полосу земли между столбовых ног. Ветерок гладил запыленные стебли, и почерневшее книзу дерево точно омывали маленькие, прохладные волны.

– Тьфу, навязали бестолковую на мою голову! – проворчал Сашка. – Третий год здесь бываешь, а про Хожего спрашиваешь. Это у нас тут главный среди нечистых. Вон там, в роще живет. – Брат махнул рукой в сторону реки. – Ходит по деревне, коров портит да девок с собой в лес зовет. Если кто выйдет на его голос, назад уж не воротится. А сейчас и вовсе поселился тут, в заброшке.

Глаша посмотрела, куда указывал брат. Вдалеке миражом качался в укутавшей деревню пыли обрывистый речной берег, а на нем – реденький перелесок в три березы. Отсюда было не разглядеть, но Глаше казалось, что ветки деревьев качает сильный ветер.

– Там, небось, прохладно. – Она сорвала с головы шляпу и принялась обмахиваться.

– Ага, как в могиле! – Сашка отобрал у сестры шляпу и нахлобучил ей на голову, потом наклонился к придорожным кустам и сорвал широкий ворсистый лист. – На, лучше лопухом обмахивайся, а шапку не снимай, мигом голову напечет, мне мамка потом вставит по первое число.

Глаша поморщилась, попыталась взмахнуть листом, но только нагнала полные глаза пыли.

Сашка прыснул:

– Во барышня! Без веера шагу сделать не можешь! – Он потянул сестру за руку. – Пойдем за лимонадом да на речку.

В новеньком бревенчатом доме оказался магазин. Когда Глаша с сестрой были здесь прошлый год, на этом месте стоял сгоревший сарай, а теперь вон магазин отстроили.

Вчера утром родители привезли Глашу и Аксютку к двоюродному дядьке в деревню, а сами, приняв на дорожку по стопке самогона, на два месяца уехали в тайгу. И хотя в деревню сестры ездили каждое лето, без родителей оставались впервые, и Глаше было муторно и неспокойно. А когда дядька Трофим со смехом пообещал отцу сосватать ее за какого-нибудь видного паренька, стало совсем уныло. Глаше шел семнадцатый год, и расспросами о женихах не допекал только ленивый. Она отшучивалась, отмахивалась и все время проводила в книжках. Здесь читать не давал Сашка. Стоило родителям уехать, как он почел своим долгом провести сестре экскурсию по всем трем деревенским улицам, изрядно сдабривая рассказ залихватскими ругательствами и байками, кои от безделья местные сложили о каждом кривом сарае.

– Вон, гляди, мазанка, в землю вросшая. Да не так гляди, а исподволь, ну, как бы не глядя. – Сашка дернул сестру за рукав и показал в сторону низенькой, по самые ставни ушедшей в землю избенки. – Это ведьмина мазанка. Ведьма старая там обитает. Злющая старуха: не

так посмотришь – порчу наведет, а слишком близко пройдешь – так и вовсе умом тронешься. Что улыбаешься? Не веришь? А ты Вадьку Рыбнина помнишь? Он прошлый год ходил у ней огород полоть и какую-то ее ведьминскую траву нечаянно выдернул. Так старуха ему мало что за работу не заплатила – такую порчу навела, что он совсем дурным сделался. Сидит да в одну точку глядит целыми днями. Как есть дебил.

Вадька Рыбнин по зиме снег с крыши скидывал, упал и головой приложился так, что и в самом деле умом повредился. Ефросинья Ильинична (так звали старушку из мазанки) там и рядом не стояла, да только с братом спорить толку не было, и Глаша кивнула и послушно перешла на другую сторону улицы.

– Ну и зачем ты девушку этими сказками пугаешь, Александр? – Калитка сзади скрипнула и словно нехотя выпустила молодого парня с мягкими, ласковыми чертами лица и удивительно спокойными черными глазами.

– И вовсе это не сказки. – Сашка попятился, закрывая собой сестру.

Парень улыбнулся и вздохнул:

– Ты бы лучше ей про птиц местных рассказал да про ягоды, чем пугать попусту.

– Я за нее отвечаю, мне и решать, что важнее рассказывать, – огрызнулся мальчишка.

Сашка Яхонтов был на два года младше Глаши, но по праву хозяина почитал себя главным. Глаша не спорила, слушала вполуха рассказы про гиблый сарай на заброшенной ферме, про русалок, ведьм и шабаш в перелеске да оглядывала окрестности, прикидывая, куда бы здесь забраться с книгой, чтобы хоть пару часов никто не трогал. Но злоба, с которой брат загородил ее от случайного прохожего, вернула Глашу к реальности и заставила внимательнее приглядеться к их собеседнику. Среднего роста, русский, лет на пять старше Глаши. От всех, кого она встречала здесь до этого, парня отличали глаза – умные, внимательные, с грустной иронией разглядывающие всхоророженного, точно воробей, Сашку. Глаша знала здесь каждого: немудрено, деревенька маленькая, наполовину брошенная, и народу тут едва больше пары сотен. Парень был нездешний, но смутно знакомый. Он ласково улыбнулся Глаше и, не обращая больше внимания на Сашку, подошел к ней:

– Не бойся, они всех городских этими байками кормят.

Сашка насупился, но возражать не стал, а незнакомый парень все глядел на Глашу темными, точно гудрон, глазами из-под русских бровей.

– Они и меня первые недели пугали, а потом надоело. Я Глеб, врач. Здесь на практике от института.

– Глафира, – буркнул Сашка и с вызовом посмотрел на врача. – Сестра моя.

– Да уж знаю, что сестра, – улыбнулся Глеб. – Второй день вся околица только и шумит как о барышнях городских, что к Яхонтовым приехали.

Глаша покраснела и опустила глаза. Было что-то насмешливо-пренебрежительное в этом «барышнях», как окрестила их с Аксюткой местная молодежь. Самое обидное, что Глаша понимала и нехотя и тайком от себя принимала это прозвище. Тринадцатилетняя Аксютка не принимала, но она и не была барышней: чуть родители уехали, унеслась с Егором (Сашкиным братом, на год ее младше) и пацанами на речку, притащила тетке Варваре полное ведро раков, а потом с тою же шумной компанией ушла в поле стрелять голубей.

«Это наша! – одобрительно хлопнул ее по плечу дядька Трофим, обгладывая вечером голубятину. – И никакая не барышня».

Глаша с родителями прощалась тяжело, а когда вернулась в дом, даже заплакала, чем рассердила тетку Варвару и удивила Сашку. Ей было тоскливо и тесно в деревне; из всего, что так влекло сюда Аксютку, Глаше нравилось только название: Ведьмина роща. Но и оно теряло всякий шарм, стоило взглянуть на три обтрепанные березы за старым мостом, которые местные и величали ведьминой рощей.

– Подвезти вас до дома? А то, смотри, барышня все ноги по вашим ухабам сбила. – Глеб кивнул на заляпанные кровью босоножки. – Погодите только немного, я к Ефросинье Ильиничне загляну, лекарства ей занесу, да и поедем.

Сашка недобро посмотрел на врача и совсем загородил сестру.

– И вовсе она не барышня, а наша! Сейчас грязь смоем в речке и пойдем домой. А ты шел бы к своим больным, Глеб Харитоныч.

Врач усмехнулся:

– А сама-то «небарышня» что скажет?

Глаша пожала плечами. Сашка был парнем веселым и общительным, ни с кем всерьез не цапался, и то, как реагирует он на молодого врача, ее удивило. Ссориться с братом в первый же день она не хотела, поэтому, когда он взял ее за руку и потащил к реке, Глаша послушно, точно корова, поплелась следом.

– Почему ты с ним так? – Глаша поморщилась, отлепляя от ног покрытые грязью и кровью босоножки.

– Нехороший он человек, – косясь в сторону ведьминой мазанки, сплюнул Сашка. – Ходит, зубы всем заговаривает, а толком спросишь, так молчит. Мудреный шибко.

Глаша тихо фыркнула.

«Оттого и молчит, что глупости спрашиваете. Чем он вам корову вылечит от сглаза, если она жива-здоровая, мычит и доится и ни про какой сглаз не ведает?»

В прошлом году старый врач, Петр Сергеевич, после пятой такой просьбы сбежал из деревни в город, и Ведьмина роща зимовала без медиков. В это лето прислали студента...

«Хорошо, что только на лето, – с тоской подумала Глаша. – А то и его замучают. А он вроде умный парень, взгляд добрый такой».

– Чего смеешься? Не веришь? – Сашка сердито плеснул в сестру речной водой. – Вон вечером к костру пойдем, послушаешь, что люди говорят. Все. Хватит на земле сидеть, отступишь себе все, а я виноват буду. Пошли домой.

Глаша вытерла ноги о траву и со вздохом влезла в узкие босоножки. Всю дорогу до дома Сашка молчал, сердито жевал травинки да сплевывал, стряхивая с придорожной травы серую пушистую пыль.

Глава 2

*Только вечер в дом заглянет – убирай широкий
гребень,
Не трепи тугие косы, ярку ленту не вплетай.
Не смотри в окно с тоскою – бродит Хожий по
деревне,
Коли он тебя приметит, то навеки уж прощай.*

Корова беспокойно сопела и с подозрением поглядывала на девушку. Глаша подставила ведро и со вздохом принялась за дело. Доить корову тетка Варвара научила Глашу еще первым летом, а сейчас это стало ее вечерней обязанностью. Утром доила Аксютка: вставала с петухами, будила весь двор, доила и выгоняла пастись корову, потом влетала к сестре в комнату с кружкой парного молока и краюхой свежего хлеба, забиралась рядом на кровать и взахлеб рассказывала, какая нынче зорька была чудесная. Глаша жевала хлеб, запивала теплым молоком, смотрела на сереющее небо и думала о том, что лучше бы она поехала с родителями в тайгу.

Сестры жили в деревне уже неделю, и с каждым днем Глаше становилось все муторнее и беспокойнее. Обложившие небо тучи давили на грудь, точно верблюжье одеяло, которое выдала ей тетка и которое неизменно отсыревало к утру и начинало уже просто душить Глашу. Днем почти постоянно моросил мелкий холодный дождик, и выходить из дома не разрешалось. Да и некуда тут было выходить: все три улицы они с Сашкой обошли в первый же день, речка, что текла за забором, была глубокая и быстрая, и купаться в ней никто не решался, а в деревенском клубе шел ремонт. Не сказать, что Глашу все это хоть сколько-нибудь прельщало, но всяко лучше, чем сидеть без дела да ждать, когда вернется корова.

Глаша уже перечитала все книги, что взяла с собой и нашла в доме Яхонтовых, и очень огорчилась, узнав, что библиотека, в которой, правда, не водилось ничего, кроме «Сельского пахаря» да детских сказок, по весне сгорела. От безысходности она даже подумывала начать записывать местные байки про Хожего, но тетка Варвара, когда услышала об этом, заругалась и сказала, что если Глаше нечем заняться, то нагрузит ее домашней работой. И нагрузила. Глаша мела полы, мыла посуду, пекла хлеб и пироги и пару раз даже взбивала масло. И неизменно доила корову.

Даже с мытым выменем корова пахла неприятно, вокруг нее вились оводы и рой мошек, которые больно жалили и набивались Глаше в волосы, нос и глаза; пальцы быстро уставали доить и болели потом ночами. Но Глаша не жаловалась. Во-первых, ей было жалко тетку, которая одна управлялась с хозяйством, кормила и поила мужа, двух сыновей, а теперь еще и двух «подкидышей», как в шутку называл их дядька Трофим. Во-вторых, хоть что-то делать было лучше, чем смотреть телевизор с двумя каналами или щелкать семечки, пытаясь шкуркой попасть в ползающую по столу муху (так обычно проводил время дома Сашка). И в-третьих, жаловаться тут было попросту некому: тетка Варвара весь день крутилась дома и в огороде, ей было не до тоски и меланхолии (Глаша сомневалась, что она и слова-то такие знает); дядька Трофим работал посменно, и когда был дома, то либо спал пьяным сном, либо ел, либо смотрел футбол; Аксютка же с готовностью разделяла все развлечения Сашки и Егора: гоняла мух, смотрела мультики, играла в приставку и собирала в ведро дождевую воду. Гости заходили редко и с Глашей мало разговаривали, только смотрели да посмеивались. А Глаша доставала из печи хлеб и шла доить корову.

– Идете нынче? Небо вроде ясное, – спросила тетка Варвара, когда Глаша с Сашкой притащили и бухнули на стул ведро молока.

Сашка глянул за окно и поморщился:

– Неохота в грязи сидеть. Да и не придет никто.

Глаша, воспрянувшая было при мысли, что можно будет выбраться из дома, тихо вздохнула и пошла включать сепаратор.

– Это с каких пор тебе грязно сидеть у костра? Раньше вон не загонишь по темноте домой, а теперь точно окопался. Два раза уже костер пропускали. – Варвара оттеснила Глашу от сепаратора. – Глафира, иди одевайся.

Глаша благодарно улыбнулась тетке и бегом бросилась в комнату. Неужели она хоть куда-то выйдет из этих стен?! Только бы Сашка не заупрямился! Глаша уже начинала всерьез опасаться, что так и проведет все лето не выходя из дома.

– Не пойду я с ней на костер, – ворчал на кухне Сашка. – Засмеют.

– Не засмеют. Вся деревня только и ждет, когда ты им сестру покажешь, а ты сидишь да ворчишь, как дед. Ты не пойдешь – я ее одну отправлю. – Варвара в сердцах бухнула на стол тяжелое ведро. – Совсем девка истосковалась по свету божьему. Надо, надо ей в люди выйти, себя показать, парней наших посмотреть да девок подзадорить.

Не успели они закончить препираться, как Глаша уже выскочила в кухню. Тетка Варвара усмехнулась:

– Ишь, скоро как собралась. Куртку накинь и сапоги резиновые на ноги, тут тебе не проспект. И волосы прибери, чего патлатая ходишь.

Сашка окинул сестру сердитым взглядом и со вздохом открыл дверь:

– Ну пошли, что ли, раз собралась. Да только смотри, наши любят страшилки-то рассказывать, ты мне потом ночами не реви!

Глаша одарила брата удивленным взглядом и, вскинув голову, вышла в сени.

– Точно барышня! – прыснула вслед Варвара.

На берегу уже горел костерок, вокруг сидели и толпились парни и девушки. Стоило Сашке с сестрой показаться из-за поворота, вся толпа разом затихла и повернулась к ним. Вперед выступил широкоплечий рябой Кондрат, главный хулиган и задира на деревне, но в целом парень незлобный и работающий. Кондрату шел двадцатый год, и он работал на лесопилке в соседнем селе за пятнадцать километров от дома.

– Привел-таки барышню... – перекатывая травинку с одной стороны полубеззубого рта на другую, усмехнулся Кондрат и принялся оглядывать Глашу. – А ничего телочка, дойная.

Глаша с трудом пыталась сдерживать румянец и упорно смотрела рябому прямо в глаза. Если она сейчас даст слабину и покажет, что обиделась, все лето ее будут шпынять и плевать вслед. И Сашка, который теперь, насупясь, стоял в сторонке, ей не поможет. Она здесь чужая, и портить отношения с ребятами из-за нее брат не станет.

– Чего принесла на этот раз? Яблочек? Орешков? – Кондрат подошел ближе и попытался схватить Глашу за задницу, но та увернулась, достала из-за спины пакет чипсов и блок сигарет и бросила к костру.

Рябой хмыкнул, оценивающе осматривая «откуп». Все затихли, ожидая вердикта. Кондрат перевернул ногой блок сигарет, всмотрелся в упаковку и расплылся в одобрительной улыбке:

– Во, барышня ученая, сразу видать. – Он распахнул объятия и совсем по-доброму посмотрел на Глашу. – Ну здравствуй, Глафира Батьковна! Да иди, не бойсь, не обижу.

Глаша с облегчением выдохнула и позволила прижать себя к потной вонючей груди. Когда она первый раз приезжала в деревню, про откуп она не знала ничего, но, памятуя своих школьных друзей, привезла целую гору леденцов и жвачек. И была жестоко обсмеяна и изгнана с костровых посиделок. Второй год она привезла чипсов, но этого оказалось мало. В этот раз, понимая, что костры – единственное развлечение на все лето, Глаша подошла к вопросу «откупа» очень серьезно и не прогадала.

– А подросла за год! Похорошела! – Кондрат наконец разжал каменные объятия, давая ей вдохнуть. – Ну, садись, угощайся.

Глаша села на небольшой чурбачок возле костра, и ей протянули фляжку с вонючей жидкостью. Пить это было нельзя, Глаша уже знала. Она поднялась и с негодованием выплеснула содержимое фляги в костер. Все рассмеялись, Сашка с облегчением вздохнул и уселся рядом с сестрой.

Полвечера Глашу донимали расспросами про город. Из всей компании там бывал только Кондрат, и то один раз проездом, но каждую новость, каждую сплетню ловили жадно, точно росу после жаркой ночи. Особый интерес вызывали рассказы о школе: о большой светлой столовой, где на завтрак дают румяные пышки с изюмом, а на обед компот из сухофруктов; о спортивном зале – самом большом в городе, там по весне проходили районные соревнования по баскетболу. Здесь школа тоже была: двухэтажное бревенчатое здание с протекающей крышей совмещало в себе детский сад и среднюю школу до девятого класса. Сашкина мать, тетка Варвара, была директором и школы, и сада, она же учила русскому языку, литературе, биологии и истории. Изредка из соседнего села приезжал дед Филимон и учил ребят геометрии и физике, а больше – сушить табак да делать самокрутки. Других предметов в школе не было. Прошлые годы присылали из города на практику молодых учительниц из педуниверситета, но редко кто из них выдерживал здесь больше недели, и последнее время практику в Ведьминой роще прекратили.

Глашу слушали раскрыв рты и округлив глаза, удивленно побрякивали, отшучивались и большей частью не верили. Но рассказы о химии всех прямо взбудоражили, Кондрат даже спросил, учили ли их уже золото варить. Глаша попыталась объяснить, что золото не варят, а добывают из речного песка, но ее только дурой обозвали и сказали, что и учитель у нее дурак, раз таких простых вещей не знает. От этого и от воспоминаний о городе ей сделалось совсем тоскливо, даже слеза выкатилась. Глаша замолчала и сердито отвернулась от костра. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь из ребят заметил, будут потом все лето малолеткой дразнить: тем, кого по возрасту и откупку допускали к костру, плакать считалось зазорным.

– Ладно, довольно заливаться. – Кондрат протянул ей бутылку квасу. – На-ка, выпей да послушай наши сказки. Витек! – Он махнул рукой рыжему парню и похлопал по бревну возле себя. – У Витька вон бабка по зиме померла да перед смертью рассказала ему всякого, чего и не знал никто в округе. Про ведьму старую, что в мазанке-то живет. Они, Витек говорит, с бабкой его по молодости дружили.

Рыжий поднялся и перешел ближе. Кондрат протянул ему сигарету:

– Давай рассказывай как есть, потом вторую получишь.

Рассказчик из Витька был неважный. Глаше, выросшей на хороших книжках и умных историях, стоило немалых трудов продираться сквозь бесконечные «вот», «говорю», «говорит», эканья и повторы. Но, с другой стороны, это было хорошо: пытаясь собрать воедино Витькины слова, она наконец отвлеклась от тягостных дум.

Витькина бабушка, Настасья Петровна, была из долгожителей, которые знают, как пришли к реке ссыльные и стали рыть на берегу землянки, ставить избы да пахать дернину. Родители Настасьи были из тех первых, кто поставили избу на солнечном пригорке и объявили себя главными на селе. Помнила бабка Настасья и то, как лет через пятнадцать после основания деревни (а называли ее тогда просто Березовой рощей) пришла к ним с соседнего пожарища сирота – девчонка молоденькая, годов десяти, чернявая, синеглазая. Попросилась пожить до весны, никакой работы не чуралась, тихая да кроткая была, и народ приютил сиротку, отдал ей пустую мазанку, что осталась от умершей от тифа семьи кузнеца. Девчоночка оказалась рукастая да травам обученная, знала, что от какой хвори помогает, в помощи никому не отказывала. Полюбили люди Ефросинью (так она назвалась) да и оставили в деревне жить. И хорошо зажила Березовая роща: на солончаках хлеба родились, скотина была крепкая и плодovitая,

и народ болезнями почти не мучился. А если и приключалась с кем беда, Фросюшка, точно почувяв, сама приходила да выхаживала, вымаливала хворого.

И продолжалось так лет пять или семь, покуда не выросла из девочки Фросюшки красавица писаная. Волосы, точно смоль, черные, глаза лазоревого яхонта ярче, статная да ладная. И пошли сваты на двор ее один за одним, но не принимала никого Фросюшка, всем шутками да прибаутками отказывала, а причины не называла. Известное дело, чужое счастье глаз режет. Обозлились девки, что парни все у Фросиных ворот, да сговорились не на шутку. Позвали Ефросиньюшку с собой по ягоды в лес, накинулись на нее всей оравой, бить да за косы трепать принялись. Уж и плакала, и молила их Ефросинья, но девки точно умом повредились, нипочем отпускать не хотели, грозились косы остричь, если еще кого у ворот ее увидят. Налетел вдруг среди ясного дня ветер яростный, принялся девок ветками по рукам хлестать, следом птицы лесные кинулись, кому глаз выклевали, кому косу подрали. Испугались девки, бросили Ефросюшку да кинулись прочь.

И разнеслась по деревне весть, что Ефрося – ведьма, что сам Лесной Хозяин за ней присматривает. Стали люди косо на нее поглядывать да через левое плечо поплевывать. А Фрося живет себе тихонько, как и прежде, травы собирает, деток лечит, зла никому не поминает. Да только Лесной Хозяин ничего не забыл. Появился на деревне кузнец молодой, Епифаном назвался. Откуда пришел да какого роду – неведомо. Стал Епифан по девкам ходить, подарками их одаривать. Одной очелье жемчужное, другой бусы яхонтовые, третьей браслет яшмовый. Только недобрые это были подарки. Пошла одна девка щепу колоть, засмотрелась на браслет яркий да отрубила себе руку по самый локоть. Другая бусами яхонтовыми удавилась: поскользнулась в сарае и зацепилась ими за дверную ручку. Уж и рвали, и резали бусы проклятые – не берет их ничего. Позвали кузнеца, чтобы расцепил, да пока пришел тот, задохнулась несчастная насмерть. А про очелье народ до сих пор и вспоминать боится – знать, совсем страшное что-то приключилось. А девки все из тех, что Ефросинью в лесу бивали.

Испугались люди кузнецовых подарков, отказываться стали. А дальше и того хуже: выкинет девка бусы али гребень, а наутро глядит – лежит подарок рядом. А ежели сжечь попытается – захворает сама и умрет в муках страшных, точно огонь изнутри ее сожжет.

Собирались мужики да парни гнать кузнеца, но и руки на него поднять не сумели: застывали, точно обмороченные. Пытались избу его жечь – полдеревни огонь пожрал, а Епифанов дом не тронул.

К исходу лета не осталось на деревне двора, которого беда не коснулась: кто калекой стал, а кто и вовсе помер. Только Ефросинья одна ходит жива-здоровая да с каждым днем все краше становится. Ей одной подарки кузнецовы во благо идут.

Собрались люди, пришли к ней на поклон. Приносили дары богатые, в ноги падали, прощения просили, молили избавить их от беды, что Епифаном зовется. Сжалилась Фросюшка, обещала помочь. Что и как она делала, никто не ведает, да только поутру Епифана-кузнеца и след простыл, одна изба пустая да кузня остывшая.

С тех пор закрепились за ней ведьмина слава прочно. Стал народ с опаской на нее смотреть да детей малых с глаз прятать, когда мимо проходит. Но в лицо никто бранить не смел. А если случалось кому Ефросинью обидеть, появлялся вновь на деревне чужак и принимался по дворам ходить, девок со свету белого сводить. Так и прозвали его: Хожий. Приходит незванный, ходит по деревне, беду за руку водит, и нет на него управы никакой, кроме ведьмы Ефросиньи.

– Уж лет двадцать никто Хожего на деревне не видел. Да говорят, скоро вновь придет его время, – прошептала Аринка, когда Витек закончил свой рассказ и затянулся сигаретой.

– Это с чего? – Глаша хлебнула квасу и усмехнулась. – Может, помер он давно, Хожий ваш?

– Тьфу, дуреха неверующая! – сплюнул Витек.

– Дурная ты, Глашка, вот правда! – рассердилась Аринка. – Мы тебя предостеречь хотим, а ты... – Она сердито отобрала у Глаши бутылку с квасом.

– От чего предостеречь-то? Я Ефросинье Ильиничне дурного ничего не делала, даже помогала прошлый год. И теперь помогу, если попросит.

– Ты глупостей-то не говори, Глафира! А коли предупреждают, слушай. – Кондрат, до этого расслабленно слушавший рассказ товарища, подался вперед. – Ведьма совсем плоха стала – говорят, до Купалы не дотянет. И Хожему, хошь не хошь, нужно новую подыскивать. А ты больно на Ефросинью в молодости похожа. Тоже вон чернявая, синеглазая да ненашенская. Гляди за ней в оба, Санек.

Глаша, захмелевшая от крепкого кваса, едва смех сдержала:

– Ну и где же ваш Хожий нынче? Из какой избы подарков ждать?

– Да по всему выходит, что я у них нонче за Хожего. – Из темноты выступил Глеб. – Только откуда у студента деньги на яхонты и жемчуга для всей деревни?

Глаша рассмеялась, но никто ее не поддержал.

– Еще один неверующий пожаловал. – Кондрат швырнул в костер бычок и поднялся. – Поздно уже, ребята, по домам пора.

Все быстро засобирались, закидали костер и с фонарями потянулись к деревне, точно вереница светляков.

– Смотри, Глафира, косу попусту не трепи, – на прощанье шепнула ей Аринка. – И ленты свои береги, не то беду накличешь.

– Пошли, нечего тут сидеть без костра. Замерзнешь. – Сашка потянул ее за руку.

– Эх, припозднился я. – Глеб со вздохом развернулся и пошел следом.

Сашка остановился.

– Ты чего следом крадешься?

Врач усмехнулся:

– Так ведь тропинка одна. Что ж мне, по болотам обходить?

– А мне какое дело, где тебе обходить?! Иди себе где ходится, – буркнул Сашка и резко дернул сестру за руку.

Глаша запнулась и жалобно пискнула, уже готовясь упасть и расцарапать колени, но ее быстро подхватили.

– Осторожно, тут и днем ногу сломишь, а в темноте совсем ходить опасно. – Глеб поставил ее на ноги и достал фонарь. – Пойдемте-ка, я вас с фонарем провожу.

– Не нужен нам провожатый, сами дойдем, чай не маленькие! – огрызнулся Сашка, снова хватая сестру за руку.

– Тебе не нужен, так о сестре подумай, – отозвался Глеб, освещая дорогу. – Видишь, прут железный из земли торчит. Сейчас бы упала, и точнехонько между ребер вошел бы.

Глаша вздрогнула и с мольбой посмотрела на брата.

– Почем знать, может, ты его здесь специально вкопал! – обходя прут, рыкнул Сашка, но уже менее уверенно.

– Саш, ну ей-богу, Глебу Харитоновичу дел других нет, кроме как пруты в дорогу вкапывать, – не отрывая глаз от злополучной железки, возразила Глаша.

– А ты молчи, не мешайся в мужской разговор! – попытался осадить ее брат.

Глаша сердито вырвала у него руку, махнула косой и пошла вперед, приглядываясь к едва различимой в зыбком свете фонаря тропинке.

– Зачем брата отпустила? – с укором произнес Глеб. – Я ведь не шучу, тут действительно опасно одной ходить.

– Так я не одна. – Глаша оглянулась. – Он вот, рядом.

– Рядом не рядом, а нечего руку вырывать! – Сашка схватил ее за запястье и сжал до боли. – Ишь, самостоятельная выискалась! У себя в городе будешь сама ходить, а здесь я за тебя отвечаю. Поняла?

Но Глаша не ответила. Левую ладонь мягко обхватила горячая рука, и сердце вдруг заколотилось, словно испуганное. Глаша остановилась, глядя перед собой и ощущая, как щеки наливаются румянцем.

– Чего там, опять палка торчит? – приглядываясь к тропе, проворчал Сашка. Но дорожка была ровная, точно кто специально разгладил.

– Нет, показалось просто. – Глаша тряхнула головой и быстро зашагала вперед. Но левую руку освободить не пыталась.

Глава 3

*Голубые ленты обнимают косы,
И лазорев яхонт под крылом ресниц.
Ты теперь желанней, чем рассвету росы,
За тобой приду я до семи зарниц.*

– Ай да Глафира! – Дядька Трофим запустил их в дом и, погасив фонарь, зашел следом. – Первый раз на костровку сходила и сразу жениха привела. Да какого!

– Никого я не приводила, дядь Трофим. – Глаша аж обиделась.

– Э не, меня не проведешь. – Дядька сел к столу и ехидно подмигнул ей. – Что ж ты думаешь, раз дядька пьян, так он и не видит ничего? Кабы не так! Не один Санек тебя за руку держал у ворот. Так что не отнекивайся, привела жениха.

Глаша нахмурилась и отвернулась к печи. Дядька Трофим уже принял на грудь, и Глаша знала: если ухватил какую тему, так не отпустит, покуда по пять раз все не проговорит. Ей опять сделалось до слез тоскливо. Вот что он к ней привязался? Ничего ведь зазорного с парнем за руку пройти, он врач, а у врачей другой подход к человеческому телу. Менее щепетильный, что ли (отец Глаши тоже был врачом). Да и какое им всем дело до того, с кем она за руку ходит, в конце-то концов! Она девушка взрослая, сама себе хозяйка!

– Да ладно, не дуйся, Батьковна, – добродушно усмехнулся дядька и плеснул себе самогона. – Я ж не ругаю. Парень он хороший, к тому же городской. С кем, как не с ним, жениться здесь? Правда, Варюш?

Но тетка Варвара его добродушного отношения к врачу явно не разделяла. Она уперла руки в бока и, сдвинув брови, посмотрела на Глашу.

– Это с кем это ты за руку ходить вздумала, а? С этим нечистым, что ли? – Она наставила на Глашу вымазанный в муке палец и сердито затрясла им в воздухе. – Чтобы я его больше рядом с тобой не видела! Не то обоих выпорю!

Глаша удивленно вытаращилась на тетку. Варвара Дмитриевна всегда отличалась суровым нравом, но указывать Глаше и Аксютке, с кем им водиться, она никогда себе не позволяла. Глаша и в прошлый свой приезд гуляла с мальчиками, так тетка только посмеивалась, а тут вдруг с такой злобой накинулась на нее, точно та кур у нее подавила.

– Брось, Варюша. – Дядька Трофим опрокинул стакан мутного вонючего самогона и поморщился. – Глебка – нормальный парень, как раз барышне нашей по мерке. С кем ей еще водиться, как не с ним? Ну, сама подумай. У нас-то читать не каждый складно может, а Глафира – девка ученая, вон книг больше, чем платьев, привезла. Ей парень грамотный нужен. А Глеба и отец ее знает, учил он его, что ли. Говорит, хороший парень, умный и небрезгливый. А уж если Елисей говорит, так оно и есть. Правда, Глафира?

Но тетка Варвара не унималась:

– Да у тебя все хорошие: и пропойца Митрофан, и ведьма из мазанки. Всех он защищает! Милиционер, ядрена мать! Лучше б нас защищал, чем нехристей этих!

– А Глаша у нас в ведьмы собралась, – злобно фыркнул из угла Сашка. – Ей этот нечистый точно по мерке будет!

Глаша вскочила, задыхаясь от обиды. Мало того, что не в свое дело так настырно лезут, еще и ведьмой окрестили.

– Что вылупилась? – Сашка яростно сверкнул глазами. – Думаешь, не видел, как глазенки-то у тебя засверкали, когда Кондрат сказал, что Хожий невесту себе искать будет? Чуть не прыгала от радости.

Глаша опустила голову, собрала со стола посуду и молча ушла к себе. С Сашкой она в тот вечер больше не разговаривала, и тот, послав всех к чертям, ушел с парнями на рыбалку на дальнее озеро, а Яхонтовы с Егором и «подкидышами» на следующий день отправились в соседний колхоз к Варвариной матери – Агафье Степановне. Тетка она была еще более суровая, чем сама Варвара, и Глаша заранее загрустила, ожидая продолжения вечерних разговоров. Она бы и рада не поехать, да одну ее оставлять тетка наотрез отказалась, а Егор и Аксютка давно ждали, когда поедут к бабушке, и Глаша не хотела лишать их этой радости. Смешливую и легкую, точно одуванчик, Аксютку любили все, даже бабка Агафья, и, глядя на счастливое лицо сестры, Глаша решила, что вечно обсуждать ее женихов ни у кого терпения не будет, потреплются недельку да отстанут. Так пусть лучше сейчас подонимают: поймут, что толку с этого никакого, и все лето можно будет об этом больше не вспоминать. Тем более что обсуждать на самом деле нечего: женихов у нее не было, а Глеба видела она всего два раза, какой уж тут жених. Да и взрослый он, студент, станет с ней возиться...

Колхоз располагался на другом берегу реки, прямо за рощей, но ехать туда надо через соседнее село, Огневку, за пятнадцать километров: там старый автомобильный мост. В Ведьминой роще мост тоже был, как раз к колхозу, да только им никто не ходил и не ездил, и Глаша решила, что, видимо, он аварийный или вовсе сломанный. Но Аксютка как увидела, что машина сворачивает прочь от моста, тут же пристала к дядьке Трофиму с расспросами – зачем ехать в какую-то Огневку, если вот он мост.

– Тыфу ты, пристала! – буркнул тот. – Видишь, не ездит никто. Так чего ж мы поедем, самые умные, что ли?

У дядьки с похмелья болела голова, он крепко держался за руль, периодически прикладывался к бадье с квасом и был совершенно не в настроении кому-то что-то объяснять. Но Аксютка не унималась, голосок ее так и звенел в машине.

– Вот к бабке приедем, у нее и спросишь. Уж она-то тебе расскажет, – отмахнулся дядька Трофим, и Аксютка наконец замолчала и принялась разглядывать в окно пыльные окрестности.

Глаша тоже смотрела в окно. Ее пока никто не трогал, и она молчала от греха подальше. Они проехали обитаемую часть деревни, миновали две полностью заброшенные и заросшие бурьяном улицы и выкатились в поле. Стояла сушь и жара, и молодая еще пшеница понуро опустила головы. Поле тянулось до самого горизонта, и у Глаши скоро зарябило в глазах. Она зажмурилась и прислонилась щекой к стеклу. Машина подпрыгивала на каждой кочке, сильно пахло бензином и перегаром, и к горлу подкатывала горячая тошнота.

– Теть Варь, давай остановимся, Глашу укачало, – с беспокойством глядя на сестру, шепнула Аксюша.

– Сейчас в лесок заедем, там и остановимся, машина тоже перегрелась, – с участием отозвался дядька Трофим и добавил ласково: – Потерпи, Глашутка.

Глаша зажмурилась крепче и старалась дышать часто и неглубоко. Машина подскочила еще на нескольких кочках и остановилась. Дверь открылась, и Глаша едва не вывалилась на дорогу.

– Тошно? – помогая ей выбраться из машины, сочувственно спросил дядька. – Сядь вон под деревце, водички попей.

Глаша доплелась до пенька, служившего, очевидно, местом привала всех проезжающих, и тяжело опустилась на него.

– Глаш, умойся. – Тетка Варвара налила на ладонь воды и принялась отирать ей лицо и шею. – Полегчало?

Глаша благодарно улыбнулась и с наслаждением глотнула из фляги.

– Спасибо, тетя Варь. Жарко сегодня очень.

– Ох, не говори, Глашут. – Дядька Трофим растянулся прямо на траве и зевнул. – Меня тоже совсем разморило. Давай в себя пока приходи, да дальше поедem, у Агафьи Степановны в сенцах всегда прохладно. И есть чем похмелиться. – Трофим улыбнулся сам себе и, надвинув кепку на лицо, захрапел.

Дурнота отступила, и Глаша принялась оглядывать окрестности. Они остановились прямо посреди леса, только немного съехав с дороги. По обе стороны создавали приятную тень высокие сосны – остатки старого ленточного бора. Они с родителями проезжали его, и мать рассказывала, что это последний кусочек бора на несколько сотен километров. Глаша любила лес, а сейчас, когда за его пределами дышать было совершенно нечем, он стал настоящим спасением. Тихонько, чтобы не разбудить прикорнувшего дядьку, Глаша встала и направилась искать тропинку.

– Ожила – и в лес бежать! – всплеснула руками тетка Варвара. – Далеко собралась?

– Надо мне, – шепотом откликнулась Глаша.

– Глаш, давай я с тобой пойду? – подскочила Аксютка. – Вдруг опять плохо станет?

– Да я в порядке уже, просто в машине душно было. Я тут, недалеко.

Аксютка постояла немного, поглядела на сестру, потом махнула рукой и плюхнулась обратно на кучу хвои, где Егор чертил палочкой какие-то знаки.

Глаша улыбнулась сестре и углубилась в прохладную тень. Аксютка была права, голова действительно еще кружилась, но делиться лесом она сейчас не хотела даже с сестрой.

Лес она могла делить только с отцом. Иногда на выходных они выезжали на природу, мама с Аксюткой предпочитали держаться у воды, а их с отцом неодолимо тянуло в лес, точно звал кто. Грибы, ягоды, лекарственные травы – все это отец знал и умел собирать, и Глаша жадно впитывала его знания.

Скинув надоевшие босоножки, она осторожно ступала по земляничнику, стараясь не раздавить цветы и крохотные зеленые ягодки.

– Рано еще для земляники, – окликнул ее знакомый голос.

Глаша вздрогнула и оглянулась. Позади нее на тропинке стоял Глеб и внимательно смотрел, как она крадется между резными листочками.

– Листья собирать самое время, – возразила Глаша, настороженно глядя на незваного гостя.

– Верно, для листьев самая пора. Ты почему одна бродишь? Тем более в лесу. – Парень ласково улыбнулся и, осторожно раздвигая ногами листья, направился к ней.

Рыжий «запорожец» Яхонтовых едва виднелся сквозь деревья, но голоса должно было быть хорошо слышно.

– Я не одна, вон машина. – Глаша чуть попятилась, осматривая поляну.

Глеб оглянулся и покачал головой:

– Да понял я, что ты не пешком сюда пришла. Только зря так далеко отходишь. Пойдем-ка обратно.

Но Глаше не хотелось возвращаться, к тому же неожиданное появление Глеба ее смутило. Нет, вряд ли он станет ее трогать – отец бы ему потом голову открутил. Елисей преподавал в медицинском и был у Глеба руководителем практики, Глаша наконец вспомнила, что видела парня пару раз, когда заходила к отцу на работу. Но все равно было что-то неловкое и пугающее в их встрече.

– Ты меня, что ли, испугалась? – Глеб поднял руки ладонями вверх и снова улыбнулся. – Напрасно, я ж не дикарь какой. – Он остановился, ласково глядя на нее. – Ей-богу, Глафира Елисеевна! Аж обидно как-то.

«Узнал, – с облегчением подумала Глаша. – Значит, и правда не тронет».

– Я не слышала, как ты шел, – останавливаясь, шепотом произнесла Глаша. – Что ты здесь делаешь?

Ей вдруг мучительно захотелось, чтобы их встреча осталась тайной для тетки Варвары. И без того будут сейчас с бабкой Агафьей кости ей мыть – так уж лучше не давать им свежую пищу.

– Лист земляничный собираю, – Глеб тоже понизил голос. – А чего шепчешь? Не хочешь, чтоб услышали?

Глаша кивнула. Парень грустно улыбнулся:

– Уже успели запретить со мной разговаривать? Хоть не побили? Некоторых мамки бьют за то, что со мной разговаривают.

– Глупости какие! – Глаша нахмурилась. На дворе начало двадцать первого века. Каким бы захолустьем ни была Ведьмина роща, но должна же и сюда цивилизация добраться!

– Глупости, – согласился Глеб. – Да только понимаем это ты, да я, да дядька Трофим.

Глаша опустила голову. Слова резанули по больному, снова до слез захотелось домой.

– Тяжко тебе здесь? – Глеб подошел совсем близко и осторожно протянул руку к ее волосам. – И мне тяжело. Но это ничего. Знаешь, кому на самом деле тяжелее всего, Глаша?

Та пожала плечами, мол, да многим нынче плохо, это понятно. Глеб качнул головой в сторону деревни:

– Местным хуже всего. Это для нас с тобой Хожий с ведьмой сказки, а для них нет ничего реальнее. Они живут в вечном страхе, который сами же создали, транслируют его из поколения в поколение. А мы с тобой просто на одно лето приехали, хоть и не на самое удачное, но все же на одно.

Слова Глеба для Глаши вдруг точно окошко приоткрыли из ее каморки, и она увидела, что вокруг тоже люди живут, что им тоже бывает обидно и тоскливо, но чаще страшно. Потому что они действительно верят в то, что рассказывают, и бьют дочерей из жгучего, первобытного страха перед необъяснимым. Глаша невольно вздрогнула.

– А чем это лето не самое удачное?

Глеб убрал руку, так и не коснувшись ее волос, и вздохнул:

– Ефросинья Ильинична умирает, рак у нее. И правду Кондрат вчера сказал, до Купалы она не дотянет. А как не станет ее, народ неизбежно будет новую ведьму высматривать. И Хожего с ней заодно.

– Зачем? Они с радостью и от этой избавились бы давно, если бы не выдумали себе страх. Не станет ведьмы – не станет и повода бояться.

За деревьями послышались голоса и замелькали фигуры. Тетка Варвара будила дядьку Трофима.

– Нет, Глаша, не так все просто. – Глеб тоже оглянулся и заговорил совсем тихо: – Деревня эта, ты видела, когда проезжала, больше чем наполовину брошенная. Кто в райцентр уехал, кто в город. У тех, кто уехать не смог, осталась только их изба, пара-тройка собутыльников да страшная сказка. Сказка, которую они превратили практически в религию. Она росла и пускала корни вместе с самой деревней, вместе с рощей, что они ведьминой прозвали, вместе с Ефросиньей Ильиничной, которая сама под конец жизни поверила в собственное ведовство. Люди опираются на эту сказку и чувствуют землю под ногами, только пока эта сказка для них реальна: пока ведьма у всех на виду в огороде своем копается да в лес за травами таскается и пока засылают к ним изредка самых отчаянных или бестолковых из города. В этом их жизнь, их мироустройство. И за эту сказку, за эту опору они будут цепляться до последнего и биться насмерть с каждым, кто попытается выбить ее у них из-под ног.

Глаша молчала, забыв дышать. Вот у кого-кого, а у нее опора под ногами сейчас действительно пошатнулась и пошла трещинами. Вчера, посмеиваясь над рассказом Витька, она искренне полагала, что ребята на самом деле не верят ни в какого Хожего, а серьезные такие,

потому что хотят попугать городскую. Но то, что сказал сейчас Глеб, распахнуло под ногами пропасть, в которую она даже заглянуть боялась.

– Сядь, Глаша, сядь. – Глеб поддержал ее под локоть, усадил прямо на тропинку и принялся копаться в небольшой поясной сумке. – Ну-ка, вдохни хорошенько.

Глаша вдохнула и закашлялась от резкого противного запаха. Голова быстро прояснялась.

– Лучше? – Глеб убрал ватку и протянул флягу с холодной родниковой водой. – Прости, не хотел я тебя пугать. Только предостеречь, чтоб ты местных сильно не высмеивала, не любят они этого. Понимаешь?

Глаша плеснула на руку воды и протерла лицо.

– Понимаю. Все в порядке. Просто жарко нынче, еще дорогой укачало.

Парень кивнул и снова полез в сумочку.

– Держи, хорошо от укачивания помогают. – Он протянул ей горсть мятных леденцов.

Глаша с благодарностью приняла их и спрятала в карман платья. Она привезла с собой пакетик таких, но Егор обнаружил их в первые же дни и, как Глаша ни просила, не оставил даже одного.

Глеб встал и с беспокойством посмотрел на нее:

– Идти можешь?

Глаша улыбнулась ему, оперлась о землю и легко поднялась:

– Да, спасибо.

– Да не за что. – Глеб со вздохом развел руками. – Иди. Тебя зовут. Увидимся в деревне.

Глаша снова улыбнулась, потрепала босой ногой земляничник и направилась к машине.

Глава 4

*Видишь мостик над рекою, роца ветками качает?
Не ходи по той дороге, не гляди туда с тоской!
Нет, не смейся! Эта роца только ведьму
привечает.
Только ведьма да сам Хожий бродят в роце
колдовской.*

Бабка Агафья коротко приласкала Аксютку и долго и пристально разглядывала Глашу.

– Ишь, вымахала за год! И в кого такая чернявая?

– А она в ведьмы собралась, вот и чернявая! – хохотнул Егорка, пытаясь проскользнуть мимо бабки в дом.

Глаша так и обмерла, едва пироги не выронила. Бабка Агафья нахмурилась и схватила мальчишку за ухо:

– Это что еще за глупости?!

Егор заюлил и захныкал:

– У-у-у... Баба,пусти! Я пошутил!

– Язык не помело, нечего по ветру трепать-то! Ишь, моду взял на сестру наговаривать! Она гостя твоя, ты ее защищать должен! – едва не поднимая мальчишку за ухо, сурово произнесла бабка. – А ты небылицы сочиняешь!

– Это не я, это Сашка! Пусти-и-и! – Егор затанцевал на месте, поднимаясь на цыпочки и вцепляясь в костлявую руку Агафьи.

– Нечего на брата кивать! У тебя своя голова есть, изволь пользоваться! С Сашкой у меня отдельный разговор будет. – Бабка сильнее скрутила ухо, так что у Егора слезы брызнули из глаз. – Еще раз услышу, что про Глафиру небылицы по деревне болтаешь, оба уха откручу! Марш в дом!

Она отпустила пунцовое ухо, и Егор, скуля, точно побитый щенок, бросился в дом. Агафья прошла суровым взглядом по гостям и снова остановилась на Глаше.

– А ты голову не опускай, нечего! – Она подцепила Глашу за подбородок и вздернула его вверх. – Пусть их болтают, ты девка городская, ученая, понимаешь, что от невежества все беды. – Она еще раз оглядела Глашу, опустила руку и кивнула на сумку: – Пироги сама пекла?

Глаша неуверенно кивнула. Нет, пироги она и в самом деле испекла сама, только вот сочувствия, а тем более защиты от суровой Агафьи Степановны никак не ожидала.

– Ну так пошли пробовать. Поди, остыли уже! – Агафья развернулась и зашагала к дому.

– На такой жаре лишь бы в угли не превратились! – легонько подталкивая Глашу вперед, усмехнулся дядька Трофим.

Пироги получились вкусные, и к чаю даже Егорка, обиженно бурчавший весь обед, развеселился. Глаша все больше молчала, коротко отвечая на вопросы и стараясь сама спрашивать поменьше. Зато Аксютка трещала без умолку, охотно перебивая косточки всем нескончаемым дальним родственникам и просто знакомым, которых в Ведьминой роце и окрестных деревнях было точно малины в лесу.

– Ты с квасом-то поосторожнее, Аксющ, он у Агафьи Степановны ядреный, – забирая у нее банку, осадил дядька Трофим. – Лучше мне оставь.

Но Аксютка уже развеселилась. Перебрав все новости и сплетни, она вдруг хитренько глянула на сестру и, давась смехом, шепнула бабке:

– А у Глаши жених завелся. Врач ваш новый. Красивый, и голос такой мягкий, Глаша прям тает, когда его слушает. – Она картинно закатила глазки, сложила ручонки на груди и томно вздохнула, а потом покатила со смеху.

Глаша отставила чашку и недобро посмотрела на сестру.

– А тебе завидно, что ли? У самой в каждом дворе по ухажеру, а за сестрой подглядываешь! – наматывая русую косу Аксютки на кулак, проворчала Агафья.

Та попыталась освободить волосы, но не тут-то было.

– Нехорошо это, Аксиныя, своей жизнью живи, а в чужую нос не суй, – продолжая наматывать косу, тяжело произнесла бабка.

Аксютка сверкнула глазенками да как выпалит, глядя на сестру:

– А хорошо это – с женихом по лесу шарохаться?! Притворилась, что плохо ей, а как остановились в перелеске, сразу – шир в лес, а он только ее и ждет. И стоят голубятся.

– Ксюха! – Глашка вскочила и замахнулась на сестру полотенцем. – Не болтай, чего не смыслишь!

Та попробовала увернуться, но бабка крепко держала за косу, и полотенце пришлось точно по кривляющимся губкам. Аксютка обиженно захлопала носом и, выдрав у Агафьи косу, кинулась прочь. Егор молча поднялся и направился следом. А Глаша так и стояла, тяжело дыша и глотая слезы. То, что тетка с дядькой ерунду болтают, это еще можно пережить, но от сестры она такой подлости не ожидала. И чего она на нее обозлилась? В самом деле с квасом перебрала?

– Что, Глаша, сдала тебя сестра? – зло усмехнулась тетка Варвара. – А я ведь тебя предупреждала, что выпорю.

– Иди-ка уйми эту дуреху, Глафира, а то квас и правда крепок вышел, вон как в голову ударил, – скручивая полотенце и исподлобья поглядывая на дочь, произнесла бабка Агафья. – И ты, Трофимка, иди. Вон на озеро пока сходите с ребятишками, освежитесь. А мы домом займемся.

И вроде спокойно все сказала, а Глаше как-то не по себе стало от ее голоса. И Варваре тоже. Она беспомощно посмотрела на дядьку Трофима, словно ища поддержки, но тот только руками развел и поднялся.

– Пойдем, Глаша. Вам и правда охолонуться не помешает.

Аксютку они нашли в лопухах, она размазывала слезы по щекам и обиженно высказывала бабкиной козе, что Глашка и сама красивая, и жених у нее хороший, а ее все маленькой и глупой считают, да еще и прыщик на носу вылез, и все теперь дразнятся. Коза жевала траву и периодически кивала головой. Глаша вздохнула, раздвинула лопухи и, усевшись рядом с сестрой, крепко обняла ее. Аксютке тоже было тяжело в чужом доме, хоть и виду она старалась не подавать, а по родителям скучала не меньше Глашиного.

– Ну, прости, одуванчик, не плачь, – утыкаясь носом в пшеничные пряди сестры, шепнула Глаша. – Ты же знаешь, как они меня с этими женихами донимают, а еще ведьмой кличут, вот и не сдержалась. Прости.

Аксютка сперва брыкалась и царапалась, пытаясь выпутаться из Глашиных рук, а потом всхлипнула и уткнулась ей в плечо. Дядька Трофим постоял над ними, почесал затылок да, взяв Егорку, ушел на озеро, а Глаша и Аксюша так и остались в лопухах.

– Я домой хочу, Глаш, мочи нет. Давай домой уйдем! – прохныкала в плечо сестры Аксюта.

– Да куда ж мы уйдем, одуванчик? – У Глаши немного отлегло от сердца, она сняла резинку и принялась расплетать и расчесывать Аксюткины волосы. – До дома тысяча километров, ключей у нас нет.

– И как здесь жить?! – тихо взывала Аксютка, дергая ленту сестры.

«Тихо жить и спокойно, Аксют, пока старуха Ефросинья жива. А там видно будет», – вздохнула Глаша, но вслух ничего не сказала.

Аксютка теребила ленту в косе сестры, пытаюсь развязать, и уже начинала злиться:

– Зачем ленты-то нацепила, дуреха? Так уж лет сто никто не ходит!

Глаша забрала у сестры косу и легко развязала ленту:

– Ну а мне что за печаль? Все вон ходят так, что задница поверх штанов торчит, что ж, и мне так предлагаешь? Нет уж, благодарю. Я сюда для того и приехала, чтобы ходить так, как сердце просит.

Аксютка принялась молча расплетать да раскладывать по прядям сестрину тугую черную косу, и Глаша едва не задремала.

– Странная ты какая-то, Глаша, вот правда. Сама ходишь в сарафанах да с лентами, по лесу одна гуляешь – и обижаешься, что ведьмой кличут. Ты еще веночек лазоревый сплети да на лугу у костра плясать выйди – так дяде Трофиму вообще избу подпалят. – Она подкинула волосы сестры, растрепывая их по лопухам, и рассмеялась. – Коса черная, глаза синие, каждую травинку в лесу по имени знаешь – ну как есть ведьма!

Сердце кольнуло от обиды, но Глаша ласково улыбнулась сестре:

– А ты – сестра ведьмы. Что ж теперь – обеих на костер?

Аксютка рассмеялась и повалилась в лопухи. Глаша тоже легла рядом, закрываясь большим листом от солнца. Аксютка, разморенная солнцем и квасом да успокоенная примирением с сестрой, быстро задремала, уткнувшись носом ей в шею, а Глаша все смотрела сквозь лопухи, как плывут по небу пушистые барашки, и думала. Если уж сестра говорит, что она на ведьму похожа, чего от других ждать. А если и правда запишут ее в ведьмы, как старуха Ефросинья помрет? Глаша вспомнила про средневековые костры инквизиции и поежилась. Нет, вряд ли они ее тронут, даже если в самом деле ведьмой признают. Ефросинье Ильиничне вон сто пятый год, и, если бы не рак, кто знает, сколько бы еще жила. Да и Хожий тут, местные верят, что он ведьму свою в обиду не даст. Вон уже и в женихи ей Глеба этого записали. Глаша улыбнулась, вспоминая черные, точно антрацитовые, глаза под светлыми ресницами. А ведь и правда хорош. Если и не жених, так просто товарищ по несчастью. Только бы назад в город не сбежал, тяжело тут все-таки врачу. Народу немного да тьма в головах. Вот без него может и в самом деле плохо стать.

Белые барашки на небе становились все упитаннее и сердитее, жались друг к другу, сбились в кучи. Вдали, подгоняя их, заворчал гром, и слипшееся в большую тучу стадо покатилося на деревню. Глаша разбудила Аксютку, и они едва успели заскочить в дом, как хлынул дождь. В доме тетка Варвара с матерью готовили ужин. Бабка Агафья глянула на небо и покачала головой:

– Надолго зарядил. Сегодня тут ночуете. Одну на лавку положу, другую под лавку.

Глаша пожалала плечами и тоже прошла на кухню.

– Голодная, что ли? – сердито бросила Агафья. – Погоди, не готово еще ничего.

– Я помочь, – отозвалась Глаша.

– Ну помогай, раз хочешь. – Бабка сунула ей ведро картошки. – На вон, начисти, я пока баню затоплю. А то мужики придут замерзшие.

Агафья накинула старую куртку и, захватив с собой Аксютку, ушла в баню. Тетка Варвара дождалась, пока за ними закроется дверь, и вздохнула:

– Не знаю, чем ты матери приглянулась, да только крепко мне досталось, что я в твою жизнь лезу.

Глаша пожалала плечами. Она и сама не знала, чем приглянулась Агафье, но была искренне ей благодарна.

– Я ведь добра тебе хочу, Глаша. – Тетка уселась рядом и принялась тоже чистить картошку. – Я и отца твоего отговорить пыталась в этом году, да вон Трофим уперся, мол, пусть приезжают, большие уже, в няньках не нуждаются, зато по хозяйству помощь будет.

Глаша подняла глаза. Руки у тетки Варвары по локоть были исчерчены ссадинами да кровоподтеками.

– За что она вас так, тетя Варь?

– Ох, горе ты луковое! – Тетка сердито натянула на руки закатанные рукава. – За жениха твоего, за что. Ну не лежит у меня к нему душа, Глаша! Нехороший он человек!

Глаша снова опустила голову к ведру и принялась ожесточенно орудовать ножом.

– Да не жених он мне никакой! Просто с фонарем нас вчера провожал. А сегодня мы случайно встретились в лесу, я и не знала, что он там ходит.

– Ходит... – вздохнула Варвара. – Слышала, что люди о нем говорят?

Глаша отложила нож и серьезно посмотрела на тетку:

– А слышали, что обо мне родная сестра говорит? Я здесь неделю, а уж вся деревня на меня глядит и в сторону мазанки кивает, мол, ведьма новая приехала.

– Ну а как и правда Хожий он, Глаша? – понизив голос и наклонившись к ней, шепнула Варвара. – Задурманит голову да в лес уведет.

Глаша посмотрела на свое отражение в помойном ведре.

– Да какой он Хожий, обычный парень! А вот я и впрямь на ведьму похожа. Что будет, когда Ефросинья Ильинична помрет? Как быстро меня на вилы поднимут?

– Да чур с тобой, Глашенька! – Тетка Варвара аж картошку в ведро уронила. – Никто тебя здесь не тронет!

– Не тронет? – Глаша снова взялась за картошку. – А почему тогда отца отговаривали нас привозить, тетя Варь?

– Да потому что не хочу, чтоб ты ведьмой стала, дуреха! – Варвара в сердцах швырнула вторую картофелину вслед за первой.

– А я и не собираюсь ведьмой становиться. – Глаша наклонилась и выудила обе картошки. – Только ведь народ все равно окрестит. И тогда мне и Аксютке безопаснее, если Глеб почаще будет у ваших ворот. А если еще урожай хороший случится – глядишь, и правда не тронут. А там родители вернутся, да уедем. И Глеб уедет. И будете дальше спокойно жить без всяких ведьм и Хожих.

Тетка Варвара забрала миску с начищенным картофелем и ушла к печи.

– Не людей бояться надо, Глаша, а нечистого, что невесту себе ищет. Да только на разных мы с тобой языках разговариваем, не поймешь ты меня никак, а я и не знаю, как объяснить. Воля твоя, гуляй с кем хочешь. Да только потом не плачься, я тебя о Хожем предупредила.

– Спасибо, тетя Варь. – Глаша схватила ведро с помоями и вышла за дверь.

Вечером попарились в бане, поужинали да сели у печки телевизор смотреть. Но не сложилось: из-за грозы по всему колхозу пропал свет. Бабка Агафья зажгла свечку и села у окна, а Аксютка, видимо решив, что самое время страшные сказки послушать, принялась ее донимать расспросами про мост. Агафья сперва отмахивалась, но наконец сдалась, отложила вязание и посмотрела на Глашу:

– Не хотела я при тебе сказок ведьминых вспоминать, но уж не взыщи. Этот клещик как вцепится, до утра не отпустит.

Глаша улыбнулась:

– Это точно. Да я и не боюсь.

И рассказала Агафья, что мост этот использовать перестали еще лет сорок назад. Как раз тогда, когда деревню их, обнаружив на карте четыре Березовые рощи на двести километров, в шутку переименовали в Ведьмину рощу. Народ страшно рассердился, даже письма в область писал, да только все без толку, так и осталось название. А люди злобу свою на Ефросинью

изливать стали, мол, из-за нее их теперь на всю округу проклятыми зовут. Сперва просто мелко пакостили: то кур подавят, то корову уведут, боялись все ж таки, а потом взяли да избу ее подожгли. Подожгли и встали возле ворот с вилами да топорами. Как повалил дым, выскочила Ефросинья и хотела бежать, да куда там – вся деревня за околицей собралась. Оборотилась она тогда к лесу, воздела руки да зашептала что-то. И лес ночной загудел, завыл, засветился огнями могильными. Народ пока таращился, выскочила она сбоку да и бросилась к лесу. Уж на мосту ее люди заметили, там недолго до леса оставалось, кинулись следом, еще и камнями кидать принялись. Перебежала Ефросинья на другую сторону, снова руки воздела, да как затрещит мост, и разом все, кто был на нем, в реке и очутились. Кого течением унесло, кто о камни расшибся; в общем, выплыло меньше половины, и те потом частью перемерли.

«Мост-то старый был, вот и не выдержал полдеревни, – усмехнулась Глаша, разглядывая сияющие в темноте глазенки сестры. – А ночи здесь темные да холодные, немудрено не выплыть».

Все лето просидела Ефросинья в лесу, грибами да ягодами питаюсь, в колхоз идти отказывалась. И народ, досаду свою излив, махнул на нее рукой, мол, зимой все равно замерзнет. Но к осени снова Хожий в деревню пришел работу искать, а вслед за ним – эпидемия. Вот тогда-то и вспомнили люди о ведьме, помыкались-помялись, а помирать-то никому не хочется. Собрались они, продуктов принесли, да одежду, да посуды разной, положили все у моста, стали Ефросинью кликать и о помощи молить. Вышла на их причитания из лесу ведьма, выслушала их горе, обещала помочь, только потребовала, чтобы избу ей починили и мост поставили новый. Все выполнили люди, вернулась ведьма к себе, и через неделю-другую болезнь на убыль пошла, а парень как пришел – так и пропал незнамо куда. И стала Ефросинья жить по-прежнему, в лес ходить да людей и скотину лечить. А на мосту знаки начертила колдовские и людям настрого запретила ходить по нему. С тех пор и стоит пустой, и никто, кроме ведьмы старой, по мосту не ходит.

– Все, теперь спать иди, стрекоза. А нам с Глафирой потолковать надо.

Глаша молча шла за бабкой Агафьей в баню и размышляла о ее рассказе. Травы эпидемия не лечится, и старуха Ефросинья не могла об этом не знать. К тому времени, как она вернулась, вся деревня, скорее всего, уже переболела, а она травами отходила тех, кто и так уже справился с болезнью, просто помогла им быстрее на ноги встать. И сама, видать, легко переболела.

«Умная женщина, цену себе знающая, – решила Глаша. – Хоть и натерпелась от людей, а подход к ним нашла».

– Сядь-ка тут, Глафира. – Бабка Агафья засветила свечку и села на лавку в предбаннике. – И волосы распусти, посмотрю на твои хваленые колдовские космы.

Глаша вздохнула, опустилась на лавку напротив Агафьи и принялась расплетать волосы.

– Да... – наблюдая, как девушка разбирает густые пряди, протянула бабка. – И вправду похожа на Ефросю в молодости. Может, покрасить тебя?

Глаша мотнула головой:

– Не надо. Краска не возьмет, только волосы испортим. А вся деревня и так уже знает, что я черноволосая да синеглазая.

– Понимаешь, значит, что окрестят новой ведьмой? – разглядывая ее волосы, вздохнула Агафья.

– Понимаю. – Глаша пожала плечами. За сегодняшний день она уже столько раз об этом думала, что сомнений не осталось. – И покраска волос тут не поможет.

– Не поможет, – кивнула бабка. – И что делать будешь?

Глаша пожала плечами:

– А что Ефросинья Ильинична делала?

– Кого лечила, кого со свету сводила. Смотря что о ней говорили и что делали.

– Лечить здесь врач есть, могу ему помогать, я немного знаю, отец учил. А вот со свету сводить я никого не стану.

Бабка Агафья усмехнулась:

– Значит, станешь ведьмой, коли нарекут?

Глаша подняла глаза и встретила с внимательным, изучающим взглядом старухи.

– А мне их все равно не переубедить. Безопаснее уж и впрямь ведьмой прикинуться, а то придется все лето взаперти просидеть.

– Прикинуться... – Агафья снова усмехнулась. – Не веришь ты в наши рассказы, а как разберешь, где правда, где ложь, поздно уж будет. Ну да, видать, судьба у тебя такая, тут уж не перепечешь. – Она оглянулась на окно и придвинулась ближе. – Ты вот что. И в самом деле держись поближе к этому пареньку. О нем всякое рассказывают, да и о тебе все равно не сегодня завтра станут говорить. А вместе вам попроще будет: оба городские, оба неверующие, хоть душу друг другу изольете, а там, может, и правда сойдетесь, кто вас знает. А ежели совсем донимать начнут – приходи, не прогоню. Девка ты хозяйственная, ведьме нашей я подружкой была по молодости, да и Хожий вроде на меня не в обиде – семь дочерей живут да плодятся.

– Спасибо, Агафья Степановна, – прошептала Глаша.

Так тепло на душе стало от бабкиных слов, так радостно, что есть и здесь место, где донимать не станут.

– Погоди ты спасибо говорить. Бог даст, на том свете зачтется, что дитя невинное пригрела да приголубила. На-ка вот еще, держи. – Агафья достала из куртки какой-то кулечек и протянула Глаше. – Коли правда готова ведьмою стать, то, как Ефросинья помрет, надевай и носи, покуда Хожий сам не снимет.

Глаша развязала кулек и высыпала на ладонь серьги в форме смородинного листа с черным камнем посредине и такое же колечко.

– А ко мне засобираешься – иди напрямки через лес, он не густой, не заблудишься. И мост крепкий, тебя точно выдержит. Да только не говори никому, что ко мне идешь. Ну да ты девка вроде ученая, понимаешь, о чем говорить, а о чем молчать. – Бабка Агафья задула свечу и встала. – А теперь пойдем. Поздно уже.

Глава 5

*Средь березок в роще, средь травинок в поле
Нет тебя милее и желанней нет!
Нареку своею, нареку любовью,
Прокричу об этом на весь белый свет.*

Глаша шла и считала доски, поэтому не сразу заметила, как прямо перед ней вдруг выросла тень.

– Снова одна гуляешь, да еще по ночи.

Глаша вскрикнула, отскочила и, поскользнувшись, едва не сорвалась в реку, но ее подхватили и крепко прижали к груди.

– Тихо ты, не пугайся так. – Глеб ласково погладил ее по голове и, только убедившись, что она стоит на ногах, наконец отстранился и заглянул ей в глаза. – Ты что здесь делаешь в такое время?

Глаша с трудом успокоила сбившееся с перепугу дыхание и, покраснев, попыталась высвободиться.

– В рощу иду. Пусти.

Глеб покачал головой, усиливая хватку.

– Доски скользкие, еще улетишь с моста.

Глаша рассердилась. Ей нужно было в лес, а он уцепился и не давал пройти.

– Даже если улечу, тебе-то что за беда! – Она дернулась сильнее, но только опять поскользнулась и неловко ткнулась лицом в грудь парня.

– Именно что беда будет, – вновь ставя ее на ноги, серьезно ответил Глеб. – И очень большая беда. Пойдем, провожу до дому.

– Мне в лес надо, а не до дому! – возразила Глаша, осторожно щупая ногой доски и прикидывая, как бы вывернуться.

Глеб несколько мгновений смотрел на нее, думая о чем-то своем, потом чуть заметно кивнул:

– Хорошо, пойдем в лес, раз надо.

– Я одна пойду, пусти. – Время уже сильно поджимало, а опаздывать было ни в коем случае нельзя, Глаша сердцем чуяла. – Глеб, я тороплюсь. Пусти, пожалуйста.

Но парень неожиданно подхватил ее на руки, что-то шепнул, и вокруг них встала стена леса.

– Не бойся, не опоздаешь. – Он опустил Глашу на землю, но руку не выпустил. – А одной тебе здесь делать все равно нечего.

Глаша огляделась. Это была не роща – вокруг протыкал соснами звездное небо темный бор. И она вдруг четко осознала, что именно сюда ей и надо было. Только навязавшийся провожатый мог все испортить. Глаша дернула руку и сделала шаг назад.

– Ты почему знаешь, что я здесь делаю?! Может, я к Хожему пришла!

Она вздернула подбородок и отвернулась. Глеб отпустил ее руку, чуть отошел и принялся внимательно ее разглядывать, потом улыбнулся и вдруг исчез.

– Знаю, что к Хожему, – прошептал он странным голосом откуда-то сзади.

Глаша резко обернулась и отпрыгнула. Глаза парня, черные-черные, в темноте светились, а по крепким рукам и обнаженному торсу проступали зеленоватые растительные узоры. Он снова улыбнулся и пропал. Глаша испуганно припала спиной к дереву, сердце колотилось так,

что она не слышала собственных мыслей, только знала, что надо бежать, да ноги точно приросли к земле.

– А если знаешь, так пусти, – тихо выдавила Глаша, озираясь по сторонам и пытаясь угадать, откуда на этот раз ждать его.

– А я тебя и не держу, – прозвучало будто из ствола, и Глаша снова отпрянула.

– Отстань от меня! Дай мне уйти! – Она подхватила с земли палку и завертелась на месте.

– И куда ты пойдешь? – Смех Глеба снова раздался сзади, и Глаша крутанулась, выставляя палку перед собой.

– К Хожему, я же сказала!

Глеб больше не исчезал, он с улыбкой смотрел на нее, а узоры на руках начинали светиться сильнее. Чуть склонив голову набок, он сделал быстрый шаг и перехватил палку, осторожно убирая ее в сторону.

– Если ты поранишься или, того хуже, убьешься, Хожий очень расстроится. К тому же ты уже пришла.

Глаша хотела кричать, но голос точно пропал, хотела бежать, но ноги подкосились, и она упала навзничь на хвою. Глеб опустился рядом и протянул ей воды.

– Ты же сама ко мне шла. Отчего теперь пугаешься?

Глаша оттолкнула флягу, пытаясь отползти назад, но тело не слушалось. Она закрыла голову руками и зажмурилась. Холодный страх сковал грудь, не давая ни вздохнуть, ни крикнуть.

– Глашенька! Милая моя! – На лицо брызнула холодная вода, мягкие руки принялись умывать и похлопывать по щекам, а как она немного отошла, обняли за плечи и прижали к горячей груди. – Сердце мое! Напугал я тебя? Прости, Глашенька, не стану впредь пугать и обижать, беречь буду пуще всего на свете. Моей будешь, и никто тронуть не посмеет ни тебя, ни сестрицу. Знаю ведь, что не об одной себе сердечко твое тревожится.

И так радостно и легко стало от слов этих, что Глаша сама щекой прижалась к его груди. Не обидит и другим обидеть не даст.

– Пойдем со мною, Глаша. Будем вместе мир хранить! – зарываясь носом в ее волосы, жарко прошептал Хожий. – А захочешь – через горы и реки на руках унесу туда, где никто не найдет. Ты только скажи, что моей будешь.

– Буду, – прошептала Глаша, где-то в глубине души с тоскою понимая, что сейчас проснется. – Только не оставляй меня одну.

– Не оставлю, – прошептал Хожий, крепче прижимая ее к себе, но Глаша уже проснулась.

До рассвета было еще далеко. Она лежала, сжавшись в комок и вцепившись в одеяло, над ней на четвереньках стояла сонная Аксютка.

– Глаш, ты чего? Не заболела? Чего плачешь?

Глаша всхлипнула, утыкаясь в одеяло и стараясь сдержать слезы. Маленькая ладошка сестры коснулась ее лба, потом Аксютка прижалась к ее спине, обхватила ручонками и крепко-крепко обняла:

– Ну не надо, Глашенька, не плачь! Страшное что приснилось? Все это сказки бабкины, ничего в них нет, а нас ими специально пугают, потому что мы городские. Ты же сама так говорила.

Глаша вынырнула лицом из одеяла и глубоко вздохнула, прогоняя остатки сна:

– Сказки, Аксют, сказки. Просто вчера перенервничала, вот и снится невесть что.

– А о чем вы с бабушкой в бане разговаривали?

– О сказках. – Глаша улыбнулась, прижимаясь спиной к тепленькой Аксютке. – Спи, рано еще.

Аксютка зевнула и уткнулась носом сестре в затылок:

– Так я и сплю, это ты чего-то возишься.

Наутро бабка Агафья напекла лепешек с зеленью, сыру козьего на стол поставила да жирного, пахучего молока.

– Ешьте, не торопитесь, пусть дорога подсохнет как следует, к вечеру и поедете. День нынче долгий, солнцеворот скоро, дотемна доберетесь.

После завтрака дядька Трофим с Егором бабке дров нарубили да опять на озеро подались, Аксютка ушла на лужок козу пасти, а Глаше бабка вручила туесок и за ягодами к роще отправила. Тетка Варвара как узнала – запричитала, заплакала, мол, на погибель отправляешь девку, но бабка ее полотенцем отхлестала и в баню отослала.

– А тебе самой-то не боязно? – провожая Глашу до калитки, ухмыльнулась Агафья.

Глаша только плечами пожала:

– А кого там бояться? Люди не ходят, зверей диких нет, больно светлый лес да маленький. Клещей разве что? Да только какие ж я ягоды принесу? Земляника цветет еще, для остальных и подавно рано.

– Ну не ягоды, так грибы! – отмахнулась бабка. – Вон дождь всю ночь лил, сейчас повыпрыгивают. Иди, Глаша, надо тебе, вижу ведь.

И Глаша пошла. Ее и правда до дрожи в рощу тянуло. На стол накрывает, а сама все за окно смотрит, огород полет – нет-нет да к роще глаза подымает. Точно зовет кто... А народ из домов вышел, глядит ей вслед и головами качает. Народ на этом берегу не такой, как в деревне. В бывшем колхозе и жителей-то осталось семь дворов, да все больше старики. Они тоже в ведьму и Хожего верят, только не боятся их, стараются в мире жить. И в рощу за грибами и ягодами ходят. Да только мост все одно не переходят. Знать, им тоже ведьма запретила.

– Далеко отправилась, синеглазочка? – окликнул ее дед Евграф.

– Утро доброе, Евграф Пантелеевич! – Глаша улыбнулась старику и махнула корзинкой. – В рощу, за грибами.

– Сама али Агафья отправила? – выглядывая из-за забора, пропищала старуха Евдокия.

– Отправила али сама пошла – забота не твоя! – распахивая калитку, осадила соседку бабка Агафья. – Идет – значит, надо так. А ты на пути у ней не стой!

Евдокия замахала руками:

– Чур меня, чур, Агафьюшка! Я ж из доброго умысла, думаю, вдруг не знает девчоночка, куда идет.

Агафья погрозила соседке тяпкой, а Глаше махнула, мол, иди, не обращай внимания, да ушла в огород. Больше Глашу никто не окликал, только вслед посматривали да крестили из-под полы.

В роще было мокро от ночного дождя, на свежих, умытых березовых ветках сверкали сырые алмазики. На опушке жужжали по мокрым цветам пушистые пчелки, чуть подальше, у самой реки, заливались птицы. Иногда пробежал легкий ветерок или птичка вспархивала, и березы роняли Глаше на голову сверкающие капли. Глаша смеялась, подставляя им лицо, и сама дергала за свисающие ветки. И так весело, так радостно было в омытой дождем роще, так приветливо перешептывались листья, что на душе у Глаши все расцвело. Она бросила корзинку, обхватила руками молодую березку, прижалась к ней, точно к сестре родной, и долго стояла, слушая голоса леса и жмурясь на солнце.

«Ну какая же это ведьмина роща?! Такая светлая да радостная! И какого счастья люди себя лишают из-за старых сказок и суеверий!»

Глаша открыла глаза и чуть не вскрикнула: перед ней, улыбаясь ее счастливому виду, стоял Глеб.

– Что, опять напугал? – Он подобрал ее корзинку и сделал шаг навстречу. – А мне бабка Евдокия сказала, что тебя Агафья в рощу отправила.

Глаша попятилась, прячась за березку, но зацепилась за сучок.

– За грибами отправила.

– Ну не бойся ты меня, Глаша. Не обижу. – Глеб осторожно отцепил ее рукав от дерева и взял за руку. – Страшно мне за тебя: ходишь всюду одна, а народ посматривает да через плечо поплевывать начинает.

– Ну так и что в этом страшного? – Глаша отняла у него руку и снова отступила. А у самой сердечко так и подскакивало от его прикосновений. Но Глаша была девушка строгая и сердцу глупому воли не давала.

– Да уж все на деревне тебя ведьмой молодой зовут. А как уехали вы вчера, заговорили, что ведьма к Хожему на поклон пошла. – Глеб больше тронуть ее не пытался, только стоял и смотрел с какой-то тоской. – Уезжать тебе надо, Глаша. Народ здесь не-добрый.

Глаша мотнула головой:

– Ты же сам вчера говорил, что ведьма с Хожим как опора для местных, что они эту сказку будут холить и лелеять. Так и пусть зовут как вздумается, я им подыграю как сумею. – Но на душе вдруг стало беспокойно. – А ты сам уезжать собрался?

Глеб усмехнулся и подошел ближе:

– А что, не хочешь, чтобы я уезжал?

Глаша выставила перед собой корзину и сердито нахмурилась:

– Да мне-то какая забота! Уезжай, если не вмоготу. Жили тут до тебя и сейчас переживут.

– А ты как же? – Глеб перестал улыбаться. – Как одна эту сказку на себе понесешь?

Глаша фыркнула и отвернулась:

– Чай, не вязанка дров, не раздавит! А не вмоготу будет – сюда уйду, к бабке Агафье.

– Ведьме без Хожего на деревне жизни не будет, Глаша. – Глеб серьезно покачал головой.

– Еще ты меня донимать этой сказкой будешь! – рассердилась Глаша. – Ладно местные, сочинили себе страшилку и ходят бояться, так неужто и тебя глупостью заразили? Тоже теперь в Хожего веришь?

– Заразиться от местных с моей работой действительно немудрено, – усмехнулся Глеб и в один шаг очутился рядом. – Не сердись, Глаша. Добра я тебе хочу. Нравишься ты мне.

Сердечко так и зачастило, в лицо ударил румянец. Глаша снова отвернулась, сжимая корзину и сердясь на себя. Уж больно скор на признания показался ей Глеб, да и сон про Хожего из головы не шел.

– А если и правда добра хочешь, отчего уезжать собрался? – обиженно вздохнула Глаша.

– Никуда я от тебя не уеду. – Глеб осторожно, точно крыла бабочки, коснулся ее волос. – Только не беги от меня. Позволь рядом быть.

– Будь где хочешь, кто тебе запретит. – Глаша снова рассердилась на себя, что тает от слов его, точно снег на поляне, перекинула косу через плечо и с вызовом развернулась к парню. – Да только черту не переступай! Я не кошка, чтоб меня без нужды трогать!

Глеб убрал протянутую к ней руку, а глаза антрацитовые точно темнее, глубже стали.

– Мы с тобой, Глаша, люди цивилизованные, в сказки не верим, законы знаем. Не попрекай ты меня без причины.

Глаша смутилась и опустила глаза:

– Я не попрекаю, а ты, раз просишь, чтоб не бежала, должен знать, как не спугнуть.

– Ну что ж, твоя правда. Лучшее лечение – это профилактика. – Глеб снова повеселел. – Ты грибы-то собирать будешь или скажешь бабке, что не нашла?

Глаша подняла палку и принялась разгребать палую листву.

– Не за грибами она меня сюда послала, а с Хожим знакомиться. Здесь народ хоть и поумнее, а все в эту сказку верит.

– Ну, считай, познакомилась! – рассмеялся Глеб. – Пойдем, грибов вон под теми берегами много.

Но Глаше вдруг опять стало страшно, как тогда, во сне, и она с подозрением посмотрела на парня.

– А ты, я гляжу, уже сама готова в сказку-то поверить. – Глеб с улыбкой посмотрел в испуганные синие глаза. – Ну прости, не буду больше так шутить. А ты все равно привыкай: не я, так люди нас вместе поминать станут.

– Мне от этих сказок уже кошмары снятся, – вздохнула Глаша, направляясь, куда указал Глеб. – Не знаешь, где тут валериана растет?

– Валериана у меня есть, принесу, если нужно будет, – отозвался тот. – А ты по свежему воздуху больше гуляй, тогда и сон крепче будет.

Когда солнце перевалило за середину, грибов у Глаши была полная корзина. Глеб проводил ее до опушки и улыбнулся:

– Сама донесешь? А то в деревне если узнают, что мы вдвоем в лесу гуляли, так совсем поженят.

Глаша забрала у него грибы и лукаво подмигнула:

– А что, не хочешь?

– Отчего ж не хочу? – усмехнулся Глеб. – Да только ведьму с нечистым огнем или водой венчают, а я пока ни тонуть, ни гореть не хочу и тебя не пущу. Если будете в бору останавливаться, дай знать. Я сейчас по деревне пройду и туда за земляничником.

Глаша улыбнулась ему на прощание и пошла в колхоз, но на душе от слов Глеба было неспокойно.

Глава 6

*Небо тучи созывает, по тебе справляет тризну.
Что смеешься? Что не веришь? Что качаешь
головой?
Мост, река и лес дремучий – вот теперь твоя
Отчизна,
Мы ль тебе не говорили? Но пустое, выбор твой.*

Шла Глаша к колхозу и думала. Думала да сердце унять пыталась. Хорошо ей было рядом с Глебом, так хорошо, как ни с кем больше. И внимательный он, и заботливый, и умный. Каждый шаг ее упреждает, каждый взгляд ее ловит, но и себя в обиду не дает. Ей бы радоваться, что такой парень на нее глядит, а все беспокойно. Сон проклятый из головы не идет. Там Хожий ее целовал-миловал, тут парень дружить предлагает. Да только лицо что там, что тут одно. Головой-то понимает Глаша, что нравится он ей сильно, вот и снится, а сердцу все беспокойно.

– Это кто ж тебя в лесу так нарядил, синеглазочка? – окликнул ее дед Евграф.

Глаша обернулась:

– Как нарядил, Евграф Пантелеевич?

– Ты давай без этих, я ж тебе не прохессур какой, просто – дед Евграф. – Дед улыбнулся, рассыпая вокруг глаз лучики морщинок. – Косу цветами кто украсил?

Глаша перекинула косу вперед. В переплетение черных прядей одна за одной были аккуратно вставлены белые звездочки лесной земляники. Она и не заметила, когда Глеб успел их вплести.

– Вот тебе раз! – удивился дед Евграф. – Полдня по лесу гуляла, а кто цветы в косу вплел, не видела.

– Тихо ты, дурень старый! – шикнула на него соседка Евдокия. – А ты бы, дочка, убрала цветы из волос да молчала на деревне о них. Мы-то с Хожим в мире живем и невесту его всегда приголубим, а по ту сторону реки народ дикий, злой.

«Да все вы тут дикие, – подумала Глаша, выпутывая цветы. – Но здешние и правда добрее».

– Спасибо, тетушка Евдокия.

– Да ну ты, брось, – отмахнулась бабка. – А коли нужда какая будет, приходи, приласкаем.

– Ох, репья-то нацепляла полную косу! – всплеснула руками бабка Агафья, встречая ее у ворот. – Ну хоть не зря проваландалась. – Она забрала у Глаши корзину и махнула рукой в глубь двора. – Марш в баню. Придется тебя, как козу, вычесывать!

Глаша прикрыла косу руками и быстрым шагом направилась к бане. Значит, не просто так Глеб цветы ей вплел, что-то это для местных значит.

– Ой, Глашка, какая ты красивая с цветами в косе! – Аксютка вместе с козой вбежала на двор. Коза спотыкалась и недовольно мекала, норовя боднуть девчонку маленькими рожками, но та со смехом уворачивалась. – Бабушка, не надо ее вычесывать! Пусть Глаша так походит, а вечером я ее расчесу! Ну красота же такая!

– Ты посмотри на нее! Совсем животину загоняла, еле ноги переставляет! – рассердилась бабка. – И не болтай, чего не знаешь! Там сверху-то красиво, а внутри репья полно!

Аксютка дернула несчастную козу за веревку и повела ее в хлев. Коза неодобрительно глянула на бабушку, мол, к тебе приехали, а я мучиться должна, и пошла следом за девочкой.

Бабка Агафья завела Глашу в баню, расстелила на полу полотенце и протянула гребень:

– Расплетай да на полотенце стряхивай.

Глаша распустила косу и принялась бросать на белое полотенце маленькие ароматные звездочки.

«Это когда ж он успел столько вплести? Ох, Глеб Харитонович! В следующий раз сам вычесывать будешь!»

– Надо же, сколько он их тебе вплел! – удивилась Агафья, собирая полотенце. – Крепко ты нашего Хожего зацепила, Глафира!

– Это Глеб повтыкал, – вздохнула Глаша, проходясь гребнем по волосам. На пол что-то глухо брякнуло. Бабка Агафья нагнулась и подняла серебряный лист смородины с черным камнем посередине, точь-в-точь как на сережках и колечке, что она вчера Глаше отдала.

– Нет, не крепко, – крикнула старуха, поднося листик к окну. – Насмерть зацепила.

Глаша продолжала расчесывать волосы да с подозрением поглядывала на украшение. Красивое, и как раз в комплект, только не привыкла она серебро да золото от парней незна-

комых принимать. Да и что это за глупость – прятать подарок в косе?! А если бы она его по дороге потеряла?

– Ты бери, чего смотришь-то? – Бабка Агафья протянула ей кулон. – Или боишься подарков Хожего?

– С чего мне бояться? – Глаша забрала у бабки листик и спрятала его в карман.

– Ох, зря не веришь, Глафира! – вздохнула бабка. – Ну да всему свое время. А листик этот носи под одеждой и никому не показывай. Оберег это хороший, его Хожий нареченной своей дарит. Ты его лучше сразу надень.

Глаша мотнула головой:

– Не на что мне его надевать, цепочка у дядьки дома осталась, не на веревку же серебро вешать.

– Ну, дело твое, Глафира. Я свое сказала. – Бабка завязала полотенце узлом и спрятала под лавку. – А цветы я подготовлю, так и скажи ему. Ну а что он сам-то? Как жить велел?

Глаша сердито глянула на бабку:

– Он мне отец, что ли, повеления раздавать?! Своя голова на плечах сидит.

Агафья погрозила ей пальцем:

– Ох, Глашка! Ты перед Хожим-то сильно нос не задирай! Любит он тебя крепко, а лишнего терпеть все одно – не станет! Может и припугнуть, чтоб поговорчивей стала. Он хоть и нечистый, но все ж таки мужик. А с мужиком ласково надо, а не как вон Аксютка с козой моей: хочет – пасет, не хочет – за веревку да домой. Хожий не коза, Глаша, его куда надо не утянешь, а вот он может, коли сильно строптивой будешь. Ты теперь, хочешь не хочешь, его нареченная, и судьба у тебя с ним одна на двоих.

Глаша аж ногой топнула от злости! Вот подсобил Глеб, нечего сказать! Не успела за порог выйти – уже сосватана! Лихо же он сказку-то оседлал: приглядел девчонку да и привязал к себе принародно. Ей теперь на деревне без него шагу ступить не дадут, а он в любой момент может наиграться и прогнать прочь. Или в город вернуться – практику еще не поздно на другое место переписать, все лето впереди.

– Ты мне баню не ломай! – прикрикнула на нее бабка. – Сама вчера ведьмой назвалась, сама к Хожему в лес ходила, так нечего теперь топтать да глазенками сверкать! Я тебе говорила, и Варька говорила, а теперь поздно – Хожий тебе полну косу цветов наплел да всему колхозу показал, что ты евонная. А он от своего не отступается! Иди обедай, да ехать пора, коли оставаться не велел.

Глаша отдала бабке гребень, тряхнула головой и вышла из бани.

В доме уже было накрыто на стол.

– Что, вычесали репье? – усмехнулся дядька Трофим.

– Вычесали, вычесали. У меня на козу его меньше цепляется, хоть она по траве бегает, – откликнулась бабка Агафья.

Дядька рассмеялся, а тетка Варвара только вздохнула.

Обратно ехали без остановок, хотя и дядька, и тетка несколько раз спрашивали, не укачало ли ее. Глаша сосала леденцы, мотала головой и хмуро смотрела на дорогу. После разговора с бабкой настроение испортилось. Нравился ей Глеб, сердце так и заходило, когда представляла она черные глаза да улыбку его. И так больно было понимать, что играет он ею. Сам Хожим прикидывается и ее за собою тащит, точно девок других на деревне нет. Его-то бояться и не тронут, а вот ее да Аксютку...

Возле леса она даже подумала листик смородинный тихонько выкинуть, но Аксютка ее отвлекла. Она все смотрела в окно и вдруг как закричит:

– Ой, Глаш, смотри, жених твой!

Глаша голову повернула – и правда, стоит Глеб да вслед им смотрит.

– Потеснимся, подвезем парня? – подмигнул ей дядька Трофим.

– Сам доберется! – отворачиваясь от окна, буркнула Глаша. – Как-то же он сюда добрался.
– Да ты что, Глашут? – удивился дядька Трофим, притормаживая. – Скоро стемнеет. Что ж ему, по темноте одному возвращаться?

Он остановился и высунулся в окно:

– Глеб Харитоныч, садись, подвезу!

– Спасибо, Трофим Яковлевич, я на машине.

– А, ну тогда ладно. Поедем мы, а то поздно уже.

– Хорошей дороги, Трофим Яковлевич! – улыбнулся Глеб.

– И тебе тоже! – радостно закивал дядька. – По темноте-то один не гуляй шибко.

И оглянулся на заднее сиденье:

– Высадить тебя, Глашут? Поедешь с Глебом?

– Ты думай, что говоришь-то! – Тетка Варвара аж подпрыгнула. – Тебе брат дочку оставил на сохранение, а ты ее уже за нечистого просватал! Езжай и не мели ерунду!

Дядька вздохнул, развел руками, мол, что с ней говорить, и поехал дальше. А Глаша совсем приуныла. Стоило ей увидеть Глеба, мысли обидные разбегались кто куда и сердце так и рвалось ему навстречу. Да только глупое оно, сердце, Глаша знала: нельзя ему доверять. Не по нутру ей было за парнем ходить как привязанной. А как и правда надоест ему здесь да уедет прочь?

Домой успели до темноты. Глаша подоила корову и, не дожидаясь Сашку, пошла на костровку. Тетка Варвара поворчала, но отпустила. Глаша убрала волосы, надела джинсы и футболку и огородами отправилась на берег.

Идет и чувствует, что не одна тут. А темнеет на улице, в сумерках каждая брошенная изба точно подмигивает да усмехается молодой ведьме, точно манит пустыми окнами. Жутко Глаше стало, пожалела, что улицей не пошла. Приметила она доску заборную, что на одном только гвозде держится, ухватила и попыталась оторвать. А доска не дается, крепко сидит.

– Ты зачем забор ломаешь, Глаша? – раздался совсем за ухом шепот Глеба.

Глаша так и подпрыгнула.

– А ты что крадешься за мной, точно разбойник?! Обещал не пугать больше, так и подошел бы по-человечески.

– А ты обещала не бежать от меня, а сама в машину брать не хотела, – обходя Глашу и ласково убирая ее руку с забора, с легким укором произнес Глеб. – Чем я тебя обидеть успел, Глашенька? Так хорошо с тобой утром гуляли, ласковая была, точно солнышко, а сейчас отчего брови сдвинула?

– Ты зачем мне камень к косе привязал? Утопить хотел?! – Глаша отдернула руку и гневно сверкнула глазами.

Глеб побледнел, по сторонам огляделся и вплотную подошел. В глаза ей чуть не со слезами заглядывает, а сам аж задыхается от волнения:

– Да что ж ты говоришь-то, милая моя?! И откуда мысли такие, Глашенька? Не смерти я тебе желаю, а спасти от нее. Потому и косу украсил – чтоб народ видел, что ты с Хожим помолвлена; потому и оберег подарил – чтобы знал, кто должен, что крепко тебя Хожий любит, не оставит!

– Ловко ты, Глеб Харитоныч, сказку оседлал: на всю деревню меня своей нарек, чтоб ходила точно коза на веревочке. – Глаша отвернулась, чтоб глаза его черные не видеть. Уж столько боли и обиды в них, ни одно сердце не выдержит. Гонит Глаша прочь сердце глупое и свое гнет: – Да только я не коза, Глеб, и не рубаша, которую хочешь надень, хочешь скинь. Ты еще недельку тут проваландаешься, потом тоска по дому в город погонит. А меня, как Ефросинья Ильинична умрет, ведьмой нарекут. Увидят, что оставил Хожий свою ведьму, поймут, что без защиты она теперь, да на вилы поднимут и меня, и Аксюшу как сестру ведьмину.

Говорит, а сама слезами уливается, дрожит вся. Больно ей, горестно от этих мыслей, хоть самой на вилы полезай. А Глеб вздрогнул, схватил ее за плечи, прижал к груди и зашептал в самое ухо:

– Не брошу, не оставлю я тебя никогда, милая моя! Говорил уже и еще повторять хоть каждый день буду. И не я тебя к себе привязал, а судьба нас здесь опоясала да друг к дружке притянула. Это я за тобой, что коза, хожу, наглядеться и послушаться не могу! Глаша, милая, не мучай ты ни себя, ни меня! Пустое это все, чуешь ведь сердечко, а ты его слушать не хочешь.

– Пусти меня, Глеб. И в свои игры не вмешивай! – Глаша уперлась руками в его грудь, пытаясь отстраниться. – Сердце – оно глупое, об одном все стучит. Если обо мне бы только речь шла, может, и послушала я тебя. Да только не одна я, Глеб, сестра у меня есть, и я за жизнь ее ответ несу. Да и дядькина семья сам знаешь, на каком счету. В лицо кивают да кланяются, а за глаза всякое говорят. Если будем мы с тобой гулять по деревне, а потом тебя тоска или нужда в город погонит, к его хате придут с огнем да керосином.

Глеб не отпустил, только крепче прижал:

– Напугал я тебя, Глашенька, сказками этими, прости меня. Аксюта здесь точно рыбка в воде плавает, любят ее все, никто и слова дурного не скажет. Дядька Трофим один с оружием, боятся его и уважают, а то, что за спиной шепчут, – так это про каждого так сказать можно, за каждым здесь слухи, точно ленты, выются. А если будет мне нужда в город ехать, я и вас с Аксютой с собой возьму. А хочешь, давай и вовсе домой отвезу? Только на следующих выходных, на неделе не могу я больных бросить.

– Отпусти меня, Глеб, не то кричать стану! – повысила голос Глаша. – Не будет нам житья здесь спокойного!

А Глеб все не пускает:

– Ну послушай ты меня, Глашенька! Если боязно тебе, неволить не стану. Только обещаю обережек надеть. Я же буду тенью за тобой ходить да беду отводить.

– Отпусти! – закричала Глаша. – А если будешь, точно вор, за мной красться, я найду доску-то покривее да с гвоздями, и весь разговор!

– Ты не слышал, что ли, барышне твои ласки не по нраву. – Из темноты за спиной Глеба выступил Кондрат, а из-за его плеча Сашка Яхонтов так и пыхтит.

– Ты от сестры моей руки убери, Глеб Харитоныч! От врача безрукого толку мало будет, так мы тебя быстро с моста-то спровадим.

За Сашкой послышался одобрительный гул. Глеб вздохнул и отошел от девушки.

– Не от того и не там ты защиты ищешь, Глаша. Ну да воля твоя. Время все по своим местам расставит. Хоть с фонарем ее проводите, а то мне ж потом зашивать, если на что напорется, – бросил он Сашке и пошел прочь.

– Чай, сами разберемся, не маленькие! – огрызнулся Сашка и подошел к сестре. – Ты чего тут поперлась-то, дуреха?

– Дорогу срезать хотела, – буркнула Глаша, а сама Глебу вслед смотрит.

– Ты бы лучше хвост срезала! – зло пробубнила откуда-то из темноты толстуха Оксана. – Не то так и будет тебя этот черт за него ловить. А нам его отгонять – беду на себя кликать.

– Ладно, пошли к костру, чего в темноте стоять! – скомандовал Кондрат, и ребята потянулись к берегу.

– Чего хотел-то этот нечистый? – подбрасывая хворост в костер, спросил Витек. – Просто облапать али посерьезнее чего?

Глаша пожала плечами и еще больше нахмурилась. Прогнала она Глеба, а сердце не на месте, так и силится следом за ним бежать.

– А чего б ни хотел, зря мы его отогнали, – снова зашипела Оксана. – Жениха от невесты оттащили. Считай, в постель к Хожему залезли.

– Да не жених он мне никакой! – Глаша сердито швырнула в костер ветку.

– Ты мне-то не рассказывай! – со злобой выкрикнула Оксанка. – Не к бабке ты в колхоз ездила, а с Хожим сговариваться! Полночи в бане колдовала, а чуть свет в рощу подалась. И вернулась только к обеду, счастливая, с полным кузовом грибов, даром что не пошли еще, а у самой вся коса цветами лесными украшена.

Все замолчали. Сашка с опаской посмотрел на сестру:

– Правда, что ли, Глаш?

– Сами-то, гляжу, тоже цветы в волосы вплетаете. – Глаша кивнула на васильковый веночек, который Аринка теребила в руках. – А мне почему нельзя?

– А оттого, что не сама ты их туда вплетала, – победно прошипела Оксанка. – Видели люди, как за тобою в лес сам Хожий вошел.

Сашка вскочил:

– Ну, Глашка! Виделась с Глебом в роще? Говори как есть, не то огрею, не посмотрю, что сестра!

– Откуда мне знать было, что он тоже там гуляет?! Я, может, и в колхоз поехала от него подальше, чтобы не донимал! – Глаша подняла на брата обиженный взгляд, но тот отвернулся.

– Не подальше, а поближе, – хищно улыбнулась Оксана. – А о встрече вы с ним в бору сговорились. Или скажешь, не виделась с ним там? Ты бы сестру-то хоть припугнула, что ли. А то больно глазастая она да болтливая.

– Ты только тронь ее! – вскакивая, крикнула Глаша, но Кондрат осадил:

– Ты нам, ведьма, не грози. Мы тебя по-доброму приняли, как сумели предостерегли. Обманула ты нас, Глафира. Думала, не узнаем? Нет, здесь под каждым лопухом глаз да ухо, все знаем, все видим. И Аксюту голову не морочь, она девка хорошая, наша. – Он обвел собравшихся серьезным взглядом. – Верно я говорю?

Ребята нехотя закивали, один Сашка стоял отвернувшись.

– А ты, дура, чего раньше молчала, коли знала? – развернулся он к Оксанке.

– Хотела в глаза ее бесстыжие посмотреть! – огрызнулась та.

– Кабы на нас всех беду не накликала... – Он повернулся в сторону реки. – Хожий, забирай свою невесту и на нас не гневайся. Не знали мы, что по праву ты взять ее хочешь. А коли знали бы, не стали вмешиваться.

Он замолчал, точно дожидаясь чего-то. С реки прилетел порыв ветра, бросил в руки Кондрата березовый лист. Тот развернулся, протягивая лист к костру.

– Услышал Хожий. – Он покрутил листик, демонстрируя его ребятам. Все дружно выдохнули и поднялись. Глаша тоже хотела встать, но Кондрат надавил ей на плечо, не пуская:

– Нет, Глаша. Ты здесь оставайся да жениха своего жди. И впредь на костровки к нам не ходи. Сама на себя беду накликала, нас за собой не тяни.

Он подкинул веток в огонь и зашагал прочь, потом обернулся на замершего в нерешительности Сашку:

– А ты чего, Санек? Свечку им держать собрался?

Сашка постоял у костра, поглядел на сестру и махнул Кондрату:

– Сейчас я, сейчас.

Он снял куртку и накинул ее на Глашу:

– Ты лучше сразу в рощу ступай: даст Бог, смилуется Хожий да примет тебя. А я бабе скажу, что ты в колхоз к бабке сбежала.

Бросил ей под ноги коробок спичек и складной ножик и пошел догонять остальных. В темноте кто-то вскрикнул и ругнулся на штырь, поминая Хожего. На него зашикали, потом звуки стали стихать, и вскоре Глаша осталась одна.

Глава 7

*Говорят, что сердце у меня что камень,
Много правды в этом было сотни лет.
Но тебя увидел – точно выжил пламя,
Точно искру бросил кто на бересклет.*

Глаша обхватила колени и долго сидела, глядя на костер. Ей поплакать бы, душу облегчить, да слез нет, только злость разбирает. Аксютка – она просто маленькая и глупая, что с нее взять, а Глеб понимает, что делает, специально всех кругом разогнал, чтобы она волей-неволей к нему пошла. Не станет же все лето одна сидеть.

«Ну уж нет! Меня на поводок не посадишь! Лучше и правда к бабке в колхоз уйду. Аксютка хочет – пусть здесь остается, ее никто не гонит, спасибо, Кондрат заступился. А ко мне захочет – и того лучше, дядька привезет. Там народ незлой, хоть все лето живи. Будем с ней козу пасти да в лес за ягодами ходить».

Думает так Глаша да в огонь смотрит. А тот на нее искрами фыркает, точно сердится. Она будто слышит в треске его, мол, глупая ты, Глаша, коса длинная, а ум короткий. Любит тебя Глеб, любит да боится за тебя, вот и старается рядом держать. И сердечко так и расцветает, так и хочет поверить.

«А если и правда любит? – сама с собой спорит Глаша. – Не его вина, что меня ведьмой кличут. Он, может, и правда думает, что вместе безопаснее лето коротать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.